

ВЕСЁЛАЯ КОМПАНИЯ

К. Нёстлинг

КОНРАД - МАЛЫШ
ИЗ КОНСЕРВНОЙ БАНКИ

ВЕСЁЛАЯ КОМПАНИЯ

Кристине Нёстлинг

КОНРАД - МАЛЫШ
ИЗ КОНСЕРВНОЙ БАНКИ

Machaon

Кристине Нёстмингер

КОНРАД— МАЛЬЧИК ИЗ КОНСЕРВНОЙ БАНКИ

Повесть

Перевод с немецкого
Павел Френкель

Художник
Вадим Челак

Москва
«Махаон»
2013

00005217-04

Государственное бюджетное учреждение
культуры г. Москвы
«Централизованная библиотечная система
Северного административного округа»

оспожа Берти Бартолотти сидела в кресле-качалке и завтракала. Она выпила четыре чашки кофе, съела три булочки с маслом и мёдом и два яйца всмятку, потом кусок чёрного хлеба с ветчиной и сыром и ещё кусок белого с паштетом из гусяной печёнки.

Так как госпожа Бартолотти во время еды раскачивалась — кресла-качалки для того и существуют, — на её утреннем халате образовались коричневые кофейные и жёлтые яичные пятна. Кроме того, куча хлебных крошек насыпалась ей за пазуху.

Госпожа Бартолотти встала и принялась скакать на одной ноге по гостиной до тех пор, пока все крошки не высыпались из её пеньюара. После чего она облила слипшиеся от мёда пальцы и сказала себе:

— Деточка, сейчас ты умоешься, оденешься как подобает и отправишься на работу. И давай пошевеливайся!

Разговаривая с собой, госпожа Бартолотти всегда называла себя деточкой.

В своё время, когда она действительно была ещё ребёнком, мама постоянно обращалась к ней: «Деточка, ну-ка садись за уроки! Деточка, теперь вытри насухо посуду! Деточка, молчи, пока тебя не спрашивают!»

А много лет спустя госпожа Бартолотти уже не была ребёнком, и её муж, господин Бартолотти, всегда говорил ей: «Деточка, сваргань обедик! Деточка, пришей-ка пуговицу к моим брюкам! Деточка, протри пол!»

Госпожа Бартолотти привыкла исполнять просьбы и приказы исключительно, если к ней обращались: «Деточка!»

Её мать давным-давно умерла, а господин Бартолотти давно съехал; почему — это не нашего ума дело, это дело сугубо личное. Как бы то ни было, у госпожи Бартолотти никого больше не осталось, кроме неё самой, кто бы называл её: «Деточка!»

Госпожа Бартолотти пошла в ванную. Ей захотелось принять хорошенькую горячую ванну. К сожалению, там плавали золотые рыбки. Семь маленьких и четыре больших. Госпожа Бартолотти вчера переместила их

сюда из аквариума, она решила, что рыбкам необходимо менять водную среду. Ведь каждый человек, подумала госпожа Бартолотти, каждый человек ездит в отпуск, совершает путешествия. Только несчастные золотые рыбки плавают круглый год по кругу в своей круглой банке.

Госпожа Бартолотти решила ограничиться хорошеньким тёплым душем (у неё была отдельная душевая кабинка в ванной комнате). Как на грех, складную дверь душевой кабины заклинило. Вообще-то эту дверь не заклинило, просто она не открывалась, потому что госпожа Бартолотти натянула от окна к кабинке бельевую верёвку в четыре ряда — для сушки джинсов и свитеров из хлопка. А в умывальной раковине лежали ещё не стиранные вещи.

— Придётся чиститься химическим способом, деточка, — сказала она своему отражению в зеркале, доставая из шкафчика ватный тампон и большую бутылку.

Она набрызгала на ватный тампон розовой жидкости из большой бутылки и тщательно протёрла им лицо.

Ватный тампон сделался немислимо пёстрым. Он порозовел

от макияжа, покраснел от губной помады, а ещё по-
чернел от туши для ресниц, покориженел от каран-
даша для бровей, позеленел от теней для век и посинел
от карандаша для век.

— До чего изумительно смотрится! — воскликнула
госпожа Бартолотти, глядя на ватный тампон, и бро-
сила его точно рядом с мусорным ведром под умы-
вальник.

Затем она достала из шкафчика несколько тюбиков
да ещё парочку-другую пузырьков и косметических
карандашей и снова сделала своё лицо розово-красно-
коричнево-зелёно-синим. При этом обнаружилось, что
пузырёк с тушью для ресниц почти пуст. Тогда она
написала губной помадой прямо на белой плитке ван-
ной комнаты:

Она взяла губку и стёрла с плитки написанное губ-
ной помадой:

Потому что туалетной бумагой она вчера уже обзавелась.

Прежде чем покинуть ванную, госпожа Бартолотти посмотрела в зеркало над раковиной: ей хотелось убедиться, выглядит она молодой или старой. Поскольку у неё случались как «молодые дни», так и «старые». Сегодня у госпожи Бартолотти был молодой день. Своим лицом она осталась довольна.

– Безумно молодая, запредельно красивая, – пробормотала она одобрительно.

Все морщины вокруг глаз и рта были замазаны розовой пудрой.

Про свой возраст госпожа Бартолотти никому не говорила. Потому-то и выглядела она по-разному.

Соседка, престарелая госпожа Майер, когда речь заходила о госпоже Бартолотти, именovala её: «Молодая госпожа Бартолотти».

Внук престарелой госпожи Майер, маленький Михи, всегда говорил: «Старая госпожа Бартолотти».

Господин Эгон, торговавший в аптеке порошками, свечами и мазями, господин Эгон, у которого от постоянного чтения рецептов на лбу образовались две печальные морщины, повторял: «Берти Бартолотти — женщина в самом расцвете сил!»

Господин Эгон тоже был мужчина в самом расцвете сил. Ему набежало пятьдесят пять лет. И он дружил с госпожой Бартолотти два раза в неделю. Раз в неделю он навещал её, и раз в неделю она навещала его. В эти дни они вместе ходили в кино или в театр, потом отправлялись что-нибудь поесть, затем шли выпить вина, а потом ещё заглядывали в кофейню.

Дважды в неделю господин Эгон называл госпожу Бартолотти «Берточка», а госпожа Бартолотти дважды в неделю называла господина Эгона «Эгуня». Однако во все другие дни, встречаясь на улице или в аптеке, где госпожа Бартолотти покупала микстуру от кашля, она обращалась к нему «господин магистр», а он к ней — «милостивая сударыня».

И никак иначе в другие дни они не общались.

Днями дружбы, кстати, всегда были суббота и вторник.

Насмотревшись на себя в зеркало, госпожа Бартолотти вернулась в гостиную. Она снова села в кресло-качалку, закурила сигару и стала размышлять о том, приняться ли ей сейчас за работу, или пойти за покупками, или, может, лучше опять лечь в постель.

В тот самый момент, как она выбрала постель, в дверь позвонили. Звонок был очень долгий и очень громкий. Госпожа Бартолотти вздрогнула от испуга. Так звонят только почтальоны, разносчики телеграмм и пожарники.

Госпожа Бартолотти положила сигару на блюде, расписанное цветочками, и пошла открывать. Она надеялась, что тот, кто так долго и громко звонит в дверь, окажется посыльным с денежным переводом. Госпожа Бартолотти всегда ожидала такого посыльного. Время от времени он и впрямь приходил и приносил деньги. Иногда тысячу шиллингов, иногда две тысячи шиллингов, а то и все пять тысяч. Смотря по тому, какого размера был ковёр, который продала госпожа Бартолотти. При этом в платёжном поручении указывалось:

Фирма «БАРТОЛОТТИ И КОМПАНИЯ».

Ручное ковроткачество,
изготовление узелковых ковров.

Фирмой «Бартолотти и компания» была госпожа Бартолотти. Компанию она придумала только для того, чтобы её визитная карточка производила более солидное и благородное впечатление.

Госпожа Бартолотти вязала самые красивые и пёстрые ковры во всём городе. Торговец коврами и тор-

говец мебелью, продававшие её ковры, всегда говорили клиентам:

– Госпожа Бартолотти – художница. Истинная художница! Её ковры – истинные шедевры, поэтому они такие дорогие!

(На самом деле торговец коврами и торговец мебелью брали с клиентов втридорога, по сравнению с тем, что платили госпоже Бартолотти. Вот почему её ковры и стоили так дорого.)

Тот, кто так долго и громко звонил в дверь, оказался не денежным почтальоном, а доставщиком посылок. Он принёс посылку и теперь шумно сопел и вытирал пот со лба.

– Дьявольски тяжёлая штука! – сказал он, указывая на большую, завёрнутую в белую бумагу посылку. – Никак не меньше двадцати кило!

Он протащил посылку через коридор в кухню, госпожа Бартолотти расписалась в получении и дала почтальону пять шиллингов на чай.

Доставщик посылок сказал: «До свидания!», госпожа Бартолотти тоже сказала: «До свидания!» – и проводила доставщика до дверей.

Затем она принесла себе из гостиной сигару и села на кухонную табуретку перед большой белой посылкой. Она обхватила голову с выкрашенными в светло-русый цвет волосами, запустила ногти с небесно-голубым маникюром в затвердевшие от лака пряди и стала размышлять.

«Это точно не шерсть, — думала она, — это с гарантией — не шерсть! Шерсть столько не весит. Посылка с шерстью такого размера весила бы от силы пять-шесть кило».

Госпожа Бартолотти встала и обошла посылку со всех сторон. Она искала отправителя. Однако обратного адреса нигде не обнаружила.

Она не нашла его и после того, как с трудом перевернула посылку и изучила её нижнюю сторону.

— Деточка! — сказала себе госпожа Бартолотти строго. — Деточка, ну-ка прошерсти свою совесть!

А дело в том, что у госпожи Бартолотти имелся один заскок: она больше всего на свете любила купоны и бланки заказов, а ещё бесплатные предложения и специальные предложения.

Если в книге или, скажем, в журнале ей попадался вклеенный бланк для заказа — не важно чего! — или купон, который следовало вырезать, она его тут же вырезала или отрывала, заполняла и заказывала. Она до такой степени помешалась на заказных купонах и бланках, что даже никогда не задумывалась, какой прок в той или иной вещи.

Из-за болезненной страсти к заказам дома у госпожи Бартолотти скопились весьма диковинные предметы: энциклопедия животных в семнадцати томах, партия серых нитяных мужских носков, чайный сервиз из пла-

стика на двадцать четыре персоны, абонемент на газету для рыбоводов и ещё один – на печатный орган нудистов. Кроме того: турецкая кофемолка (но не для того, чтобы кофе молоть, а как декоративный ночной светильник), десять трусов из ангоры богатырских размеров и девять буддистских молитвенных барабанов.

Однако, вне всякого сомнения, самым необычным из того, что когда-либо заказала и получила госпожа Бартолотти, был ковёр. Когда посыльный явился с преступно дорогим ковром, изукрашенным отвратительными цветочными узорами, госпожа Бартолотти просто разрыдалась из-за своего пунктика и поклялась больше никогда, ну никогда в жизни ничего не заказывать.

Но как это обычно бывает с теми, кто на чём-то действительно помешался, уже на другой день госпожа Бартолотти снова заполнила отрывную открытку:

«Заказываю настоящим,
наложенным платежом и без почтового сбора,
144 (словами: сто сорок четыре)
посеребрённые чайные ложки».

Госпожа Бартолотти как следует прошерстила свою совесть. Но совесть её была почти совершенно чистой. Кроме заказа бесплатной упаковки макарон и пробных образцов биомюслей, она припомнила лишь специальное предложение в виде хромированных нажимных кнопок

в комплекте с затяжными щипцами и листами для штамповки. Но это спецпредложение никак не могло весить двадцать килограммов. А пробные образцы и бесплатные заказы, как хорошо знала госпожа Бартолотти, весили не более ста граммов.

Возможно, думала госпожа Бартолотти, это посылка от моего славного дяди Алоиза. Возможно, он мне что-то ко дню рождения прислал. В конце концов, милый дядя мне уже тридцать лет ничего на день рождения не дарил. Если он решил взять реванш за все эти годы, то около двадцати кило в сумме набирается!

Госпожа Бартолотти вынула из ящика садовые ножницы и срезала бечёвку, которой была перевязана посылка. После чего содрала с неё белую упаковочную бумагу и уже затем сняла крышку с большой картонной коробки, находившейся внутри.

Под крышкой оказалась кусок синей древесной шерсти. На куске синей древесной шерсти лежал синий конверт, адресованный

Госпоже Берте Бартолотти.

Буквы были жирными и цветными, печатали явно на электрической машинке. У славного дяди Алоиза электрической пишущей машинки не было, кроме того, «Берта» он писал всегда через «э».

Госпожа Бартолотти открыла конверт, достала из него сложенный лист бумаги и прочитала:

«Глубокоуважаемая госпожа Бартолотти!

Получите ваш заказ. Весьма сожалеем, что вышла такая задержка с доставкой, вызванная неожиданно возникшими сложностями, сопутствующими внедрению нового производственного метода, которые нам лишь недавно удалось устранить. В случае, если вам теперь наша посылка ни к чему (надеемся, что это не так!), вы, разумеется, можете её незамедлительно и без оплаты почтового сбора отправить назад. При этом обращаем ваше внимание, что исключительно из гигиенических соображений принимаем обратно лишь невскрытые ёмкости».

Под письмом стояла подпись, не то Гунберт, не то Гонберт, а возможно, и Момберт.

Ещё ниже было приписано:

«Товар выпущен с предприятия в безупречном состоянии и после многократного контроля качества».

Госпожа Бартолотти положила конверт с письмом на кухонный стол, наклонилась над посылкой и ста-

ла рыться в синей древесной шерсти. Её рука наткнулась на что-то гладкое, твёрдое и прохладное. Она выкинула шерсть из посылки и увидела огромную, отливающую серебром консервную банку высотой примерно с мужской зонт и шириной как ствол тридцатилетнего бука. Вместо этикетки на ней было всего лишь маленькое синее пятнышко величиной с десятишиллинговую монету.

На крышках имелись два указателя: ВЕРХ и НИЗ. По корпусу шла надпись: «Документы на внутренней стенке!»

Госпожа Бартолотти выкатила консервную баницу из посылочной коробки и поставила её на попа, так что верх оказался сверху, а низ снизу. Она постучала по выпуклой стенке; звук был довольно глухой, как из полой бочки.

— Вряд ли это фруктовый салат, — задумчиво произнесла госпожа Бартолотти. — А может, попкорн, — продолжала она бормотать.

Попкорн госпожа Бартолотти любила. Но, рассмотрев консервную банку внимательнее, она поняла: попкорна там быть не могло. Тем более ничего жидкого и крошащегося, поскольку прямо посередине эту консервную банку опоясывал жестяной обруч. С жестяным кольцом. Если за него потянуть, то можно содрать весь обруч, и тогда консервная банка распадётся на две части. Вот почему в ней обязательно должно находиться что-то твёрдое!

– Консервированная солонина, – сама себе сказала госпожа Бартолотти и схватилась за жестяное кольцо.

Консервированную солонину госпожа Бартолотти любила больше попкорна. Двадцать кило консервированной солонины – здоровенный оковалок, который наверняка не поместится в морозилку.

Но госпожа Бартолотти подумала: «Тоже мне проблема! Кило я Эгону подарю и старику Майеру тоже подарю кило, а маленькому Мухи подарю два кило, а славному дядюшке Алоизу pošлю экспресс-почтой аж три кило! Он тогда хотя бы заметит, что я о нём думаю больше, чем он обо мне. Да плюс самой целую неделю не надо ничего покупать. Буду есть солонину на завтрак, на обед и на ужин».

Госпожа Бартолотти потянула за жестяное кольцо.

– Деточка, оставь всё как есть, не то это плохо кончится, – прошептал ей голос в левое ухо.

– Деточка, да вскрой же наконец эту странную банку, – прошептал ей другой голос в правое ухо.

Но так как оба голоса были её собственными голосами, госпожа Бартолотти не стала к ним прислушиваться. И вообще было уже слишком поздно. Не менее пяти сантиметров жестяного обруча отошло от банки. Госпожа Бартолотти потянула ещё. Послышался резкий, шипящий звук.

Когда госпожа Бартолотти стянула с консервной банки весь обруч, то её верхняя половинка повисла,

съехав набок, на нижней половине, и шипение прекратилось. Запахло карболкой, больницей и озонирующим освежителем воздуха.

— Так консервированная солонина не пахнет, если только это не откровенная тухлятина, — пробормотала госпожа Бартолотти и приподняла верхнюю половину консервной банки.

Слава богу, за спиной госпожи Бартолотти стоял стул! Потому что её охватил панический ужас. Она вся затряслась — от обесцвеченных кончиков волос до наманикюренных светло-зелёным лаком ногтей на пальцах ног. У неё слегка закружилась голова, она качнулась и плюхнулась на кухонный стул.

Тот, кто сидел в консервной банке, сказал:

— Добрый день, дорогая мама, — и приветливо тряхнул головой.

Всякий раз, когда госпожа Бартолотти сильно пугалась, у неё начинались дрожь по всему телу и головокружение. А ещё перед глазами

мелькали маленькие золотые звёздочки, за которыми маячила нежно-фиолетовая туманная пелена.

Как раз сейчас и был такой случай. Госпожа Бартолотти увидела маленькие звёздочки, за ними фиолетово-золотистую пелену, за ней показалась нижняя часть консервной банки, откуда высывалась половинка сморщенного гнома. Сперва показались скукоженная голова с тысячью морщин, сморщенные ручки, сморщенная шея и тощая грудь. Потом – испещрённый морщинами живот... И гном, сидевший прежде в консервной банке, вдруг встал и произнёс:

– Дорогая мама, питательный раствор в крышке.

Госпожа Бартолотти вертела головой во все стороны и хлопала глазами – вверх-вниз, вверх-вниз. Она хотела разогнать звёздочки и фиолетовый мóрок. Действительно, звёздочки вскоре пропали, и через нежно-фиолетовую плёнку ей удалось разглядеть на внутренней стороне крышки синий мешочек. На мешочке было написано:

«ПИТАТЕЛЬНЫЙ РАСТВОР».

И пониже маленькими буквами:

«Содержимое растворить в четырёх литрах чуть тёплой воды и сразу же после вскрытия консервной банки вылить на продукт».

В верхнем уголке мешочка имелся указатель в виде стрелки: «Отрывать здесь».

Госпожа Бартолотти надорвала уголок мешочка точно против стрелки.

— Было бы очень мило, если б ты поторопилась, — сказал гном, — а то я без питательного раствора долго на свежем воздухе не выдержу.

Госпожа Бартолотти встала со своего стула. Её слегка качнуло. Она вытащила из-под мойки розовое пластиковое ведро, поставила его под кран и перевела круглый красный регулятор бойлера на отметку «горячо». (Бойлер был уже выдавший виды. Если ставить на «горячо», вода делалась «тепловатой».) Потом взяла кружку, куда, как она хорошо знала, входило пол-литра, и налила восемь кружек воды в ведро, за ней последовал питательный раствор. Питательный раствор был тёмно-коричневым. Госпожа Бартолотти помешивала половником в ведре. Вода сделалась светло-коричневой.

Затем госпожа Бартолотти стала медленно лить светло-коричневую воду на голову сморщенного гнома. Вообще-то она предполагала, что светло-коричневая вода польётся как из душа и частично попадёт в банку, а частично забрызгает пол. Но этого не произошло. Сморщенный гном всасывал всю мутноватую воду в себя, на глазах делаясь всё глаже, и вскоре он выглядел вовсе не как гном, а как вполне нормальный ребёнок.

Вылив все четыре литра, госпожа Бартолотти увидела перед собой в банке мальчика на вид примерно лет семи. У него была здоровая загорелая детская кожа, гладкая и мягкая, розовые щёки, голубые глаза, белые молочные зубы и светло-русые кудри. Кстати, он был совершенно голый.

Мальчик вылез из консервной банки и протянул госпоже Бартолотти синий пластиковый конверт, запаянный по периметру в водонепроницаемую плёнку. «ДОКУМЕНТЫ» – значилось на нём крупными чёрными буквами.

Госпожа Бартолотти взяла портновские ножницы и надрезала конверт по штрихлинии. В конверте находились: свидетельство о крещении, свидетельство о гражданстве и некоторые данные о прививках.

В свидетельстве о крещении было указано следующее:

Отец: Конрад Аугуст Бартолотти

Мать: Берта Бартолотти

Родился: 23.10.1967 г.

Место рождения: неизвестно.

В свидетельстве о гражданстве указывалось, что Конрад Бартолотти, сын Конрада Аугуста и Берты Бартолотти, имеет австрийское гражданство. А из перечня прививок явствовало, что Конрад Бартолотти привит

от скарлатины, коклюша, туберкулёза, кори, тифа, дизентерии, дифтерии, столбняка и оспы.

Кроме того, госпожа Бартолотти обнаружила в конверте жёсткий лист бумаги ручной выработки с зубчатыми краями. На нём было выведено синей вязью:

«Дорогие родители!

Настоящим ваше самое сокровенное желание исполнено.

Мы, производители, желаем вам большого счастья и море удовольствия от вашего потомства.

Пусть он всегда доставляет вам радость и соответствует всем вашим ожиданиям и пожеланиям.

Наша фирма сделала всё, чтобы обеспечить вас жизнерадостным, приятным и многообещающим отпрыском. Теперь очередь за вами!

Вам это наверняка не составит труда, ведь наши изделия просты в обращении и присмотре (легко управляются и контролируются), тем более что природные дефекты и недостатки у нашего технически высокоразвитого готового продукта исключены.

Под конец ещё одна просьба!

Ваш отпрыск сконструирован таким образом, что, наряду с обычным присмотром и уходом, ему

необходимо ваше искреннее внимание. Пожалуйста, не забывают об этом!

Ещё раз счастья в будущем желает вам...»

Подпись снова была неразборчива. Не то Гунберт, не то Гонберт или же Монберт.

Семилетний ребёнок, которого, согласно записи в свидетельстве о крещении, звали Конрад Бартолотти, стучал зубами и весь покрылся гусиной кожей.

— У тебя, что ли, никакой одежды нет? — спросила госпожа Бартолотти.

— Одежду я должен получить здесь, так меня предупредили, — ответил Конрад.

Госпожа Бартолотти принесла из гардероба в передней свою толстую вязаную куртку и накинула её Конраду на плечи. Конрад стучать зубами перестал.

— Мода, — сказал он, — как нам объяснили, меняется очень часто. Каждый год носят что-нибудь новое. Поэтому просто глупо давать нам с собой какую-то одежду!

Конрад осмотрел очень длинные рукава розово-красной куртки и спросил:

— Это теперь такая мода для семилетних мальчиков?

— Нет, нет, — сказала госпожа Бартолотти. — Маленькие мальчики носят совсем другие вещи. Это моя куртка. Я же не знала...

– Чего ты не знала? – переспросил Конрад.

– Ну, что они тебя пришлют.

– Нас посылают только под заказ!

Госпоже Бартолотти послышался в голосе Конрада лёгкий упрёк.

– Или в отделе сбыта перепутали адрес?

Госпоже Бартолотти послышалась в голосе Конрада некоторая грусть.

– Нет, нет, – быстро возразила госпожа Бартолотти, – отдел сбыта не ошибся, адрес совершенно точный, только, только... я не знала, что ты явишься именно сегодня. Я думала, это произойдёт лишь через восемь дней или через две недели!

– Ты рада, что я здесь, мама? – спросил Конрад.

Госпожа Бартолотти посмотрела на Конрада. Искреннее внимание, думала она, – вот в чём он нуждается. Ещё бы, в искреннем внимании всякий нуждается! И ещё, подумала госпожа Бартолотти, он очень милый. Уж точно такой же милый, как Эгон, и не менее милый, чем старик Майер. И куда милее Михи, внука старого Майера, говорить не о чем. И уж наверняка я его когда-то заказала. И вот он здесь. И ему нужно искреннее внимание!

– Да, я страшно рада, Конрад, что ты тут! – заявила госпожа Бартолотти.

Конрад улыбнулся. Потом он сказал, что утомился от вскрытия банки. Вскрытие банки забирает очень

много сил. Он попросил разрешения немного поспать, часика два-три. Собственно, это предусмотрено правилами эксплуатации. Иначе в нём могут возникнуть повреждения.

Госпожа Бартолотти отвела Конрада в спальню. Она убрала со своей кровати иллюстрированные журналы, газеты, любовный роман, коробку печенья и коробку конфет. Она стряхнула с простыни крошки и взбила подушки. Конрад лёг в кровать. Госпожа Бартолотти накрыла его одеялом, и он почти сразу заснул. Но перед этим он успел сказать:

– Спокойной ночи, дорогая мама!

И тут госпожа Бартолотти заметила, что она Конрада действительно полюбила.

Госпожа Бартолотти опустила оконные жалюзи и на цыпочках вышла из комнаты. Она аккуратно прикрыла за собой дверь. Потом уселась в кресло-качалку и достала толстую сигару из сигарного ящичка. Ей сейчас понадобилась сигара. Сигары успокаивали ей нервы. После того как госпожа Бартолотти сделала три затяжки, нежно-фиолетовая пелена у неё перед глазами наконец испарилась. А после следующих трёх мощных затяжек она вспомнила, что ещё во время совместной жизни с господином Бартолотти ей действительно очень хотелось иметь ребёнка.

Если я на самом деле заказала ребёнка, то непременно бы это помнила, размышляла госпожа Бартолотти.

– Ты даже не заметила, что заказала центнер кнопок, – сказала себе госпожа Бартолотти и сама же себе с возмущением ответила:

– Но ведь кнопки и дети – это совершенно разные вещи! Такой необычный заказ я бы не забыла!

– Тибетские барабаны ещё необычнее детей, – возразила госпожа Бартолотти, – однако про них ты тоже забыла!

Госпожа Бартолотти ещё долго спорила сама с собой. В конце концов она сама с собой примирилась на том, что «заявку на потомство» послал давно съехавший господин Бартолотти. Вероятно, чтобы преподнести ей приятный сюрприз! Тут госпожа Бартолотти несколько растрогалась. Ибо господин Бартолотти больше никаких приятных сюрпризов ей не делал.

Выкурив сигару почти до основания, она припомнила, что господин Бартолотти – в своё время, много лет тому назад, – как минимум в течение трёх недель каждый день спрашивал, не пришла ли для него посылка.

– Да, да, – сказала госпожа Бартолотти. – Вот она! Он ждал ребёнка, да, да!

(Тут, кстати, госпожа Бартолотти капитально заблуждалась: господин Бартолотти поджидал тогда книгу под названием «Толкование снов в Древнем Египте». И он её в результате получил!)

Госпожа Бартолотти достала один за другим кошелёк, бумажник, кожаный мешочек и пластиковый футляр. В кошельке было всего несколько монет. В бумажнике она обнаружила тысячу шиллингов, отложенных на квартплату. В кожаном мешочке находилась парочка серебряных полтинников и парочка серебряных монет по двадцать пять шиллингов, которые госпожа Бартолотти собирала. В пластиковом футляре лежали четыре голубоватых банкноты по тысяче шиллингов каждая, на крайний случай.

– Деточка, это же и есть настоящий крайний случай, – сказала себе госпожа Бартолотти.

Она сняла халат, сбегала в ванную, стянула с бельевой верёвки джинсы с хлопчатобумажным свитером и быстро надела их. Джинсы вокруг молнии и сверху на поясе были ещё довольно влажные. Кроме того, они были неглаженные и такие жёсткие и мятые, какими могут быть лишь джинсы. Перекрученный свитер тоже был не глажен и прилично растянут.

Если надеть сверху пальто, подумала госпожа Бартолотти, то этого никто не заметит.

У госпожи Бартолотти была всего одна шубка. Толстая, из светло-серого заячьего меха. Несмотря на очень тёплый день, она влезла в неё.

— К шубке из заячьего меха подходит шапка из заячьего меха, — сказала вслух госпожа Бартолотти и водрузила на голову огромную шапку из заячьего меха.

Потом она запихала четыре тысячи «крайних» шиллингов вместе с кошельком, бумажником, кожаным мешочком и футляром в сумку, вызвала по телефону такси и вышла из дома.

Госпожа Бартолотти велела шофёру отвезти её «в город». Там, где жила госпожа Бартолотти, говорили «поехать в город», когда собирались в центр города, туда, где находились красивые, дорогие и роскошные магазины.

Было начало октября. По календарю — осень, но температура держалась высокая. Для точности замечу: ровно двадцать два градуса в тени. Госпожа Бартолотти потела под заячьим мехом, и люди на улице смотрели на неё во все глаза. Однако к тому, что люди смотрят на неё с любопытством, госпожа Бартолотти уже давно привыкла. На ней

всегда красовалась какая-нибудь вещь, казавшаяся другим странной. Либо она не подходила ко времени года, либо не соответствовала случаю, ради которого вещи надевались. Так, играть в теннис госпожа Бартолотти ходила в чёрных брюках. В оперу надевала джинсы, к молочнице – шёлковое платье, а отправляясь в кино, пялила на себя альпинистские штаны.

– Ты это специально, чтобы другим людям досаждать, – утверждал Эгон, аптекарь.

Но это было не так. Госпожа Бартолотти и не думала кому-нибудь досаждать. Просто она всегда брала первую попавшуюся вещь из гардероба. Или в какой-то день ей вдруг хотелось чего-то красного, а поскольку альпинистские штаны были изумительного ярко-красного цвета, она и надевала именно их.

Госпожа Бартолотти целый час ходила по магазинам. Под конец у неё закончились четыре тысячи шиллингов и появились девять пластиковых сумок, набитых детской одеждой. Она купила трусы и носки, свитеры с тиснением и вышивкой, а ещё кожаные брюки и бархатные штаны в рубчик, ремень и индийскую шёлковую рубашку. Она также приобрела три пары туфель: розово-

красных с фиолетовыми полосками. Одну пару 30 размера, одну 31 и одну 32. Одна пара, решила госпожа Бартолотти, уж наверняка подойдёт. Ещё она купила потрясающую шапочку. Таковую, из нежно-голубой кожи, с серебряно-золотистой прострочкой и маленьким золотым колокольчиком вместо помпона. Куртку она тоже не забыла прикупить. Таковую, из разноцветных кусков.

Истратив кучу денег, госпожа Бартолотти подумала, что пора экономить. Она не взяла такси, а пошла домой пешком. Трамваев она не выносила. Но около магазина игрушек её вдруг осенило: ребёнку же срочно нужны игрушки! Поэтому она достала из сумки бумажник, вынула деньги, отложенные на квартплату и купила большую коробку складных кубиков, маленького плюшевого медвежонка, книжку-картинку, прыгалки, пластиковый револьвер и куклу, говорившую «мама». А ко всему ещё клоуна на ниточках и Петрушку.

Дальше путь её лежал мимо мебельного магазина, и тут она ужаснулась, внезапно поняв, что Конраду позарез нужна кровать. Она вынула из сумки кожаный мешочек и пересчитала серебряные монеты. Десять полтинников и восемь полуполтинников, в сумме получилось семьсот шиллингов. Она вошла в мебельный магазин и выбрала детскую кровать. Красного цвета с зелёным матрасом, на котором паслись белые сло-

ники. Красная кровать оказалась самой дорогой в магазине, и зелёный матрас тоже был самым дорогим.

Госпожа Бартолотти отдала семьсот шиллингов серебряными монетами как первый взнос, и продавец обещал доставить кровать с матрасом прямо ей на квартиру сегодня же вечером.

Уже на своей улице госпоже Бартолотти пришло на ум, что Конраду нужны сладости и мороженое. Она достала из сумочки кошелёк и купила у булочника пакетик с нугой, кулёчек с жареным миндалём, семейную упаковку малинового мороженого, дюжину надувных жвачек и ещё десяток змеек-тянучек.

Дома она застала Конрада не в постели, а в гостиной. Он стоял у окна, завернутый в простыню, и смотрел во двор.

– Доброе утро, мама, – сказал он.

Госпожа Бартолотти бросила на пол все одиннадцать сумок, скинула с себя заячью шкуру, бросила на стол заячью шапку и вытерла пот со лба.

– Добрый день, Конрад! – сказала она, одновременно раздумывая, правильное ли это приветствие для семилетнего мальчика или всё-таки семилетних мальчиков

следовало бы поцеловать. Или хотя бы обнять. Или похлопать их по плечу. (Как обращаться с семилетними мальчиками она не знала.) Старуха Майер — это госпожа Бартолотти видела часто — всегда поднимала Мухи, своего внука, вверх и целовала его в обе щёки. Госпожа Бартолотти подошла к Конраду и подняла его, пока их лица не оказались на одном уровне.

Конрад смотрел ей прямо в глаза. Тут вдруг у госпожи Бартолотти пропала уверенность в том, что Конраду захочется быть поцелованным. Она опустила его на пол. Конрад по-прежнему внимательно смотрел на госпожу Бартолотти.

— Зачем ты меня сперва подняла, а потом снова опустила? — спросил он.

— Я хотела тебя поцеловать, — призналась госпожа Бартолотти, — но я не уверена, что тебе это понравится.

— Родители целуют детей тогда, — сказал Конрад, — когда дети это заслужили.

Конрад облизнул верхнюю губу, наморщил лоб и зажмурил глаза. Очевидно, он задумался. Вскоре он заговорил, глядя на простыню, в которую был завёрнут:

— Дома я ничего не разбил и не повредил. Вот только простыню стянул с матраса и обмотался ею. Надеюсь, в этом ничего плохого нет — ведь я немного замёрз!

— В этом абсолютно ничего плохого нет, — успокоила его госпожа Бартолотти.

– Тогда, мне кажется, ты можешь меня поцеловать, – сказал Конрад.

Госпожа Бартолотти подняла Конрада вверх, пока его лицо не оказалось перед её лицом, и поцеловала его сперва в левую щёку, а потом в правую. Кожа у Конрада была тёплой, гладкой и нежной, и госпожа Бартолотти нашла, что целовать Конрада очень приятно. Поэтому она ещё раз поцеловала его в левую щёку и ещё раз в правую, после чего снова поставила его на пол и принялась распаковывать принесённые сумки.

– А вот это как тебе понравится? – спросила она, доставая из сумки футболку, вышитую блёстками. – А это тебе нравится? – спросила она, вытягивая из сумки ремень из воловьей кожи с огромной пряжкой в форме бычьей головы.

На каждую вещь, которую доставала из сумки госпожа Бартолотти, Конрад утвердительно кивал головой. Но он кивал без особого восторга, и госпожа Бартолотти это, разумеется, заметила.

– Кажется, – грустно произнесла она, – всё это тебе не больно-то нравится.

– Ну что ты! – сказал Конрад вежливо. – Ну что ты, если тебе нравится, то я очень доволен!

– Надо, чтоб тебе нравилось! – воскликнула госпожа Бартолотти. – Ведь тебе всё это носить!

Конрад помолчал в нерешительности, потом сказал:

– Я не знаю, что сейчас модно. Только... – Конрад замолчал.

– Что – только?

– Только... – Конрад снова замолчал.

– Что – только? Говори же!

– Ну хорошо, если ты хочешь, я скажу, – произнёс Конрад. – Я сейчас долго смотрел в окно и видел там много ребят, в том числе и моего возраста, и все они одеты совсем в другие вещи!

– В какие же?

– Светло-серые штаны и рубашки в клетку или в полоску, а сверху синие или коричневые куртки.

– Так ведь люди ужасно тусклые, – воскликнула госпожа Бартолотти, – потому что у них нет ни на грош фантазии! И все хотят одного и того же, боятся выйти за привычные рамки!

Госпожа Бартолотти стукнула себя кулаком в грудь, там, где на её свитере из хлопка были нарисованы большое золотое солнце, розовый олень и зелёная кошка.

– Вот видишь, – сказала она, – у меня тоже исключительно вещи, которые другие не носят. Солнце и оленя с кошкой я сама нарисовала красками для тканей. Такого ни у кого в мире больше нет, и я этим горжусь! Разве это не красиво?

– Не знаю, – ответил Конрад.

Госпожа Бартолотти вздохнула, потом сказала:

– Ну-ну, я ведь понимаю, все люди не такие, как я, и они, не такие, тоже по-своему правы. Хочешь, я тебе завтра же куплю серые брюки, клетчатую рубашку и синюю куртку, идёт?

Конрад мотнул головой и сказал, что это пустая трата денег и вообще смысла в этом нет. Он надел трусы в красно-белую клетку, натянул через голову футболку с пёстрой вышивкой блёстками и фиолетовые бархатные брюки в рубчик с зелёными сердечками на коленях. Потом он защёлкнул на животе кожаный ремень с огромной латунной пряжкой в форме бычьей головы и надел голубую шапку с золотым колокольчиком.

– Ты волшебно выглядишь, просто уникально, потрясающе! – искренне воскликнула госпожа Бартолотти. – Ты самый прекрасный ребёнок из всех, что я видела в своей жизни!

Госпоже Бартолотти захотелось подвести Конрада к большому зеркалу в передней.

– Пошли, – сказала она, – взгляни в зеркало, сам увидишь, какой ты красавец.

– Спасибо, только, пожалуйста, не надо, – попросил Конрад. – Семилетние мальчики должны смотреться в зеркало, когда моют уши или чистят зубы, иначе они станут тщеславными и самодовольными.

– Извини, – пробормотала госпожа Бартолотти, и тут она вспомнила о мороженом. – Батюшки-светы! – воскликнула она. – Мороженое тает!

Она вытащила его из сумки, побежала в кухню, вскрыла семейную упаковку и выложила содержимое на стеклянную доску. Потом она достала жестяную банку из кухонного буфета. В жестяной банке находились длинные тонкие вафли для мороженого.

Она воткнула вафли в шарик мороженого. Получилось просто загляденье — как будто ёжик с очень длинными иглами. Госпожа Бартолотти внесла стеклянную доску в гостиную, к Конраду.

— Посмотри-ка, тебе это должно понравиться, бесподобная вкуснятина!

— А мороженое разве не едят только летом? — спросил Конрад.

— Какое там! — сказала госпожа Бартолотти. — Мороженое можно есть всегда! Лично мне зимой оно особенно нравится. Самое приятное — есть мороженое, когда идёт снег.

— А разве мороженое не едят только на десерт? — спросил Конрад.

— Извини, мой зайчик! — всполошилась госпожа Бартолотти. — Совсем забыла, ты ж наверняка проголодался! Сейчас я тебе сделаю бутерброд с ветчиной и яичко всмятку и положу туда огурчик, ладно?

– Я не голоден, – заявил Конрад. – Одна доза питательного раствора насыщает на двадцать шесть часов. Я просто не уверен, можно ли есть мороженое на пустой желудок.

– Господи, твоя воля! Ну зачем ты всё время спрашиваешь, что можно, чего нельзя?

– Так семилетний мальчик должен это делать! – сказал Конрад.

– Но я-то сама не знаю, что семилетнему мальчику можно, а чего семилетнему мальчику нельзя! – воскликнула в сердцах госпожа Бартолотти.

– Тогда я сегодня лучше обойдусь без мороженого, – сказал Конрад, – а ты завтра всё разузнаешь про мороженое. Хорошо?

Госпожа Бартолотти кивнула, хотя понятия не имела, у кого ей об этом спрашивать. Она вообще была довольно растерянна и от полной растерянности съела всё мороженое вместе с вафлями-иглами, от чего у неё начались покалывания в желудке и жжение в пищеводе.

Конрад сидел напротив и смотрел, как госпожа Бартолотти поглощала мороженое. Несколько раз госпожа Бартолотти прерывалась, подносила Конраду под нос ложечку с мороженым или вафлю, спрашивая, не хочет ли он хотя бы попробовать. Но Конрад лишь отрицательно мотал головой.

Наконец госпожа Бартолотти завершила процесс поедания мороженого, и Конрад спросил, чем бы он мог

помочь по хозяйству. Не надо ли вымыть посуду, пропылесосить или выбросить мусор?

– Тебе нравится этим заниматься? – удивилась госпожа Бартолотти.

– Нравится? Не знаю, – сказал Конрад. – Просто семилетнему мальчику это вполне по силам, и вообще помогать маме, выполняя всякие поручения, – это его долг.

– Ну да, ну да, ясное дело, правильно, – запричитала госпожа Бартолотти.

Но потом всё же решила, что в мусорное ведро ещё куча всего войдёт, пыли пока не так много, а в кухонном шкафу отыщется парочка чистых тарелок, ложек, чашек и кастрюль, посему пусть Конрад лучше поиграет с новыми игрушками.

Конрад взял большую коробку со складными кубиками, поднял крышку и уставился на кубики.

– Какие красивые разноцветные кубики! – сказал он. Госпожа Бартолотти с облегчением вздохнула.

– Из кубиков можно строить башни, собирать электровоз, ратушу и даже самолёт, – радостно сообщила она.

Конрад закрыл коробку крышкой, взял её под мышку и спросил:

– Где я могу поиграть?

– Где?! – Госпожа Бартолотти не поняла вопроса.

– То есть где мой детский уголок?

Госпожа Бартолотти отродясь о детском уголке не слыхала.

Конрад объяснил ей, что у детей бывает или детский уголок, или детская комната. А раз в квартире госпожи Бартолотти детской нет, то пускай она ему выделит уголок для игр.

Госпожа Бартолотти задумалась. Квартира состояла из гостиной, спальни, кабинета, передней, кухни и ванной. Каждое из помещений имело четыре угла. В сумме получалось двадцать четыре угла. На её взгляд, Конрад мог пользоваться каждым углом. Впрочем, и всеми двадцатью четырьмя тоже. А при желании и серединой любой из комнат, добавила она.

— Спасибо, мне одного угла хватит, — сказал Конрад.

— Ну тогда выбери какой-нибудь, — сказала госпожа Бартолотти.

— Где я буду меньше всего мешать?

— Кому мешать? — не поняла госпожа Бартолотти.

— Тебе!

— Мне ты вообще не мешаешь. Ни капельки! По мне, так играй где вздумается.

— Тогда буду тут играть, в этом углу. — Конрад показал на угол между окном и дверью в переднюю. — Ладно?

Госпожа Бартолотти кивнула. Конрад положил коробку на пол, открыл её и снова уставился на кубики.

– Я ещё массу других игрушек купила, – вспомнила госпожа Бартолотти. – Вот посмотри, – пыталась она заинтересовать его. – Это мишка, а это кукла, а вот ещё книжка-картинка...

Конрад прервал её:

– Мне кажется, семилетнему мальчику лучше и разумнее какое-то время играть с одной игрушкой и целиком на ней сосредоточиться, иначе выйдет сплошная нервотрёпка!

– Извини, пожалуйста, я об этом не подумала, – пролепетала госпожа Бартолотти и аккуратно сложила все купленные игрушки в угол рядом с дверью, ведущей в переднюю.

Туда же, конечно, попала и кукла, умевшая говорить «мама».

Конрад посмотрел на куклу.

– Это тоже для меня? – удивился он.

Госпожа Бартолотти утвердительно кивнула, а Конрад сказал:

– Но ведь я семилетний мальчик!

– А разве кукла, говорящая «мама», не годится для семилетнего мальчика? – воскликнула госпожа Бартолотти.

– Куклы – для семилетних девочек, – заявил Конрад.

Госпожа Бартолотти подняла куклу с пола.

– Жаль, – вздохнула она. – Такая славная!

Госпожа Бартолотти поправила на белокурой кукле сбившиеся на лоб пряди, пощекотала ей животик и решила подарить куклу маленькой девочке, жившей под ними. Девочке по имени Китти.

Конрад ставил один кубик на другой. Он сооружал высокую стройную башню.

— Послушай, Конрад, — начала госпожа Бартолотти, — мне вообще-то надо немного поработать. Три сантиметра ковра как минимум, — прикинула она и спросила Конрада, может ли она его оставить одного или ему лучше перейти в её рабочую комнату. — Чтобы не чувствовать себя одиноко, — добавила она.

Именно в этот самый момент Конрад приступал к строительству второй высокой стройной башни.

— Нет, спасибо, — сказал он, — я тут останусь. Я рассчитывал, что ты будешь работающей женщиной. Большинство матерей, как нам сказали, сегодня работают. И есть дети, живущие у бабушек, и дети, которые находятся на пятидневке, а ещё есть так называемые «дети с ключом»!

— Силы небесные! — пробормотала госпожа Бартолотти тихо.

Эта тирада прилично сбила её с толку. Она пошла к себе в кабинет, села за ткацкий станок и принялась вплетать сверкающие красные, благородно-фиоле-

товые и ядовито-зелёные нити в ковёр, в ту же секунду забыв, какой необычный ребёнок сидит на корточках в углу её гостиной. Когда госпожа Бартолотти плела ковёр, она всегда думала лишь о плетении ковра и ни о чём постороннем. Возможно, потому её ковры и получались особенно красивыми.

Поскольку госпожа Бартолотти думала исключительно о ковре, она не заметила, как быстро пролетело время. Внезапно рядом с ней возник Конрад. Госпожа Бартолотти сперва посмотрела на Конрада, потом на часы и увидела, что уже вечер.

— Господи, уж сейчас ты наверняка проголодался! — воскликнула она в смятении.

— Немножко, самую малость, — сказал Конрад и объяснил, что вообще-то пришёл совсем по другой причине.

Ему хотелось что-нибудь спеть. Вот только он, к сожалению, понятия не имеет, что поют семилетние мальчики. К этому его не подготовили. Или, не исключено, его подготавливали, только он не очень внимательно слушал.

— А скажи, — с нескрываемым любопытством спросила госпожа Бартолотти, — как тебя вообще готовили? Как это происходило? И кто тебя готовил?

Конрад молчал.

— Учитель? Или это были рабочие? И ты всё время был такой скукоженный? Извини, я имела в виду, такой, ну такой высушенный, как перед поливанием питательным раствором?

Конрад продолжал молчать.

— Ты не любишь об этом говорить?

— Мне можно говорить об этом лишь в самом крайнем случае, — сказал Конрад. — Сейчас самый крайний случай?

— Нет, — заявила госпожа Бартолотти, — это наверняка не самый крайний случай!

И потом она стала вспоминать, что сама пела в детстве.

Сначала она вспомнила:

— Он объясниться мне в любви не смеет
И только лишь, как девушка, краснеет.
(Но дальше слов она не знала.)

Потом она вспомнила:

— Письма мои читаешь
И надо мной хохочешь...
(Дальше она не помнила.)

Но тут до неё дошло, что всё это не детские песни, а шлягеры, которые пели взрослые в её детстве. Затем она наконец вспомнила настоящие детские песни:

– По солнышку, по солнышку,
Дорожкой луговой
Иду по мягкой травушке
Зелёненькой такой...

А ещё:

– Дует ветер озорной,
Лаает пёсик Манки,
Мчатся с горки ледяной
Голубые санки...

И ещё:

– Девочка Беата,
Чего тебе надо?
– Ничего не надо,
Кроме шоколада!

Госпожа Бартолотти пела одну песню за другой, и ей делалось всё веселее. Вдруг она затянула:

– Спи, дитя моё, усни,
От семейки отдохни.

Твой папаша хулиган,
У него в шкафу наган.

Тут она заметила, что Конрад начал меняться в лице, становясь всё бледнее и бледнее. Ничего, следующий куплет будет особенно смешным, подумала госпожа Бартолотти. Он ему понравится. И она продолжила:

– А мамаша – истеричка,
Ей под стать твоя сестричка.
Не семейка – просто ад!
Ты ж ни в чём не виноват.
Спи... усни...

Лицо у Конрада сделалось совершенно белым. Таким белым, как простыня. Госпожа Бартолотти заметила это. Чтобы поднять ему настроение, она лихо грянула:

– Сидел солдат на попе
В заброшенном окопе!
Приказов он не слушал,
Штыком картошку кушал!

Тут Конрад расплакался.

– Конрад, что с тобой?!

Госпожа Бартолотти вскочила, достала платок из кармана и вытерла Конраду слёзы со щёк.

Конрад всхлипнул:

– Я не знаю, что мне делать... Семилетним мальчикам следует внимательно слушать, когда мамы что-то говорят, рассказывают или поют. Но семилетние мальчишки не должны слушать, если говорится, рассказывается или поётся что-то неприличное!

– Разве я пела что-то неприличное?

Конрад кивнул. Госпожа Бартолотти была потрясена до глубины души и поклялась впредь никогда ничего неприличного не говорить и не петь.

Тут Конрад всхлипывать перестал.

И сразу же раздался звонок в дверь. Звонили не так, как обычно звонят почтальон или пожарные, а очень нежно, три раза подряд. Так звонил один лишь аптекарь Эгон. Потому что сегодня была суббота, а значит, день дружбы.

– Ах, Эгон, я о нём совсем забыла! – воскликнула госпожа Бартолотти и бросилась к двери.

По дороге она задела локтем шкаф в прихожей и хотела уже произнести «Чёрт!», но проглотила это слово, чтобы Конрад опять не расплакался.

Господин Эгон явился в чёрном костюме и светло-сером галстуке. В руке он держал букет фиалок.

– У меня два чудесных билета в оперу, – сказал он.

– А у меня чудесный ребёнок, – сказала госпожа Бартолотти.

– Второй ряд, первая ложа, в центре у прохода, – продолжил господин Эгон, но внезапно осёкся, внимательно посмотрел на госпожу Бартолотти и спросил: – Что вы сказали? Простите, кто?

В этот момент в переднюю вышел Конрад. Он подошёл к господину Эгону, поклонился и подал ему руку со словами:

– Добрый вечер, мой господин!

– Это мой сын, – сказала госпожа Бартолотти. – Ему семь лет, и его зовут Конрад.

Господин Эгон побледнел. Ещё сильнее, чем Конрад от неприличных песен. Госпожа Бартолотти почувствовала, что должна господину Эгону всё объяснить. Но объяснять в присутствии Конрада она не хотела, поэтому предложила:

– Конрад, лапочка, я думаю, по телевизору сейчас идёт передача для ребят!

– Прекрасно! – ответил Конрад и послушно зашагал в гостиную.

Госпожа Бартолотти крикнула ему вслед:

– Сперва поверни верхнюю кнопку, потом нажми третью снизу, потом...

– Спасибо, я знаю, – крикнул ей Конрад из гостиной, – пользоваться телевизором нас учили!

Госпожа Бартолотти прошла с господином Эгоном на кухню, дала одну сигару ему, другую взяла себе, налила воду в кофейный автомат и рассказала гос-

подину Эгону обо всём. Когда вода закипела, она как раз закончила свой рассказ, но господин Эгон не мог ещё поверить в эту историю. Его сомнения исчезли лишь после того, как госпожа Бартолотти продемонстрировала ему пустую консервную банку, пустой мешок для питательного раствора, документы и письмо.

– Как некстати, – сказал господин Эгон, – в высшей степени некстати!

Госпожа Бартолотти согласно кивнула. Господин Эгон разглядывал носки своих лакированных туфель, отливающие антрацитом.

«Вы ещё здесь?» – раздался из гостиной голос телевизионного Петрушки.

– Да-а-а! – ответил нерешительно голос Конрада. И не менее сотни детских глоток в телестудии взревели: «Да-а-а-а-а!»

Господин Эгон продолжал разглядывать туфли.

– Ну скажи что-нибудь, Эгуня, – попросила госпожа Бартолотти.

– Отправь его назад, – тихо произнёс господин Эгон.

– Тебе не стыдно? – ещё тише выдохнула госпожа Бартолотти.

Она схватила господина Эгона за руку, подняла его с кресла и потащила через кухню и переднюю к двери в гостиную.

— Ты только посмотри на него, — прошептала госпожа Бартолотти.

Господин Эгон посмотрел и увидел на экране пластикового крокодила с зелёной чешуёй, фиолетовым хвостом и красными глазами-кнопками. Он подкрадывался к простодушному, ничего не подозревающему Петрушке в натянутой на голову красной шапке. Голова у Петрушки была деревянная.

Господин Эгон увидел также Конрада, сидящего перед телевизором. В голубой шапочке с золотым колокольчиком вместо помпона. Глаза он распахнул так же широко, как и рот, а его правый указательный палец утыкался в нос. Уши у него были пунцовые, а светлые волосы, выбившиеся из-под шапочки, взлохмачены. В общем и целом Конрад производил впечатление необычайно славного ребёнка, нуждающегося в любви и защите.

— Ну что? — прошептала госпожа Бартолотти.

– Нет... – пробормотал господин Эгон и с сожалением покачал головой: – Мальчонку отправлять назад грех!

– О чём и речь! – обрадовалась госпожа Бартолотти.

В этот момент на экране деревянноголовый в красном колпаке, оказавшийся не таким уж простачком, издевался над пластиковым крокодилом, и сто ребячьих глоток в телевизионной студии взвыли, как стадо обезьян.

Конрад оторвал указательный палец от носа, встал и произнёс:

– Бедный, бедный крокодил, мне тебя так жалко!

Он подошёл к телевизору и нажал на кнопку. Экран погас ещё до того, как крокодил испустил дух, вытянув все четыре лапы.

– Тебе не нравится кукольный театр? – спросил господин Эгон. (Господин Эгон в своё время, ещё ребёнком, кукольный театр терпеть не мог.)

Конрад сказал:

– Зверей надо жалеть!

– Но Конрад, это же крокодил! – воскликнула госпожа Бартолотти. – Крокодил – злобное животное, он людей съедает с кожей и костями!

– Тот крокодил, – объяснил Конрад, – он только хотел поспать. А этот человечек, в красной шапке, разбудил его, потому что орал громко и невоспитанно.

– Но крокодил ведь коварно подкрался сзади, – не сдавалась госпожа Бартолотти. (Она-то в своё время, будучи ребёнком, кукольный театр очень любила.)

– Я думаю, – высказался Конрад, – звери не знают, что подходить со спины коварно!

– Да, но... – выдавила госпожа Бартолотти.

– По местности, где живут хищники, человечку в красной шапке вообще надо было ехать только в закрытой машине. Это и для него, и для крокодила намного безопаснее.

– Да, но... – Госпожа Бартолотти снова запнулась на полуслове.

– Никаких «но»! – вскричал господин Эгон, и голос его звенел от счастья. – Ни малейших «но»! Мальчик прав! Мальчик для своего возраста просто необычайно умен!

Господин Эгон глядел на Конрада невероятно благожелательно. Обычно господин Эгон не глядел на детей невероятно благожелательно. И даже просто благожелательно.

Благожелательность господина Эгона возросла до настоящего восторга, когда Конрад спросил:

– Извините, не пора ли ложиться спать?

– Ты уже устал? – поинтересовалась госпожа Бартолотти.

– Дело не в этом, – сказал Конрад. – Большинство детей, когда надо идти спать, вовсе не усталые.

Госпожа Бартолотти о том, когда надо идти спать, имела так же мало понятия, как и о том, когда можно есть мороженое, а когда нет. Она лишь помнила, что орала как резаная, когда родители отправляли её спать, и что ещё долго после этого в постели она продолжала рыдать навзрыд.

Госпожа Бартолотти сказала Конраду:

– Можешь не ложиться сколько хочешь, пока сам не почувствуешь, что спать охота!

Сказав это, она вдруг сообразила, что детскую кровать до сих пор не привезли. Она объявила:

– Со сном сегодня всё ясно. Пойдешь спать, когда привезут кровать.

С этим Конрад согласился.

Кстати говоря, Конрад до сих пор всё ещё не проголодался по-настоящему.

– Может, конфетку съешь? – спросила госпожа Бартолотти.

– Сладкое на ночь очень, очень вредно, – сказал Конрад.

Госпожа Бартолотти тем не менее поднесла ему ко рту шоколадную конфету, внутри которой малиновый марципан, а сверху миндаль. Она долго держала конфету перед его ртом, пока рот не раскрылся и она резко не сунула конфету внутрь.

– Берточка, у тебя никакого понятия нет, – сердито сказал господин Эгон. – Ребёнок умнее тебя! Лучше порадуйся, что твой сын сознаёт, насколько сахар вреден для зубов!

Госпожа Бартолотти буркнула что-то вроде: «Та-та-та!» А сама не сводила глаз с лица Конрада. Ей хотелось увидеть, как оно внезапно станет счастливым от вкуса такой замечательной конфеты. Лицо Конрада, однако, не становилось счастливым. Даже наоборот. Конрад выглядел грустным. Проглотив конфету, он сказал:

– Спасибо, она очень хорошая, но у меня от неё внутри тяжесть.

– Перестань, Конрад, – засмеялась госпожа Бартолотти, – от маленькой конфетки в желудке не бывает тяжести, для этого надо съесть не меньше целой коробки!

Конрад вздохнул и объяснил, что ему от конфеты тяжело не в желудке, от неё тяжело на душе – ведь есть конфеты перед сном запрещено. А всё запрещён-

ное его тяготит. Ему это привили. И потом, добавил совсем печально Конрад, он всегда гордился своим тягостным чувством от запрещённых вещей. Это был один из важнейших предметов, который им преподавали в отделе выпуска готовой продукции.

— Урок «чувство вины» — вот как он назывался, — громко произнёс Конрад, — и порошковым детям, не достигшим в этом совершенства, покидать фабрику запрещалось!

Но тут Конрад испуганно замолчал, потому что ему о фабрике говорить нельзя. Кроме крайнего случая.

— Ужасно! — выдавила госпожа Бартолотти.

А вот господин Эгон воскликнул:

— Это самый прекрасный мальчик из всех, которых я когда-либо видел! Если бы все дети были такими, я давно завёл бы себе ребёнка! Такой благовоспитанный, приветливый, порядочный, приличный семилетний мальчик — истинная отрада!

— Эгуня, ты болван, — сказала госпожа Бартолотти.

Господин Эгон этого даже не услышал. Он продолжал увлечённо говорить о Конраде, не позволяя себя перебивать даже после того, как кровать привезли. Он говорил, пока госпожа Бартолотти надевала наволочки на диванные подушки, он говорил, пока она натягивала простыню на матрас от детской кровати, и про-

должал говорить, пока она заталкивала самое мягкое и красивое одеяло в пододеяльник.

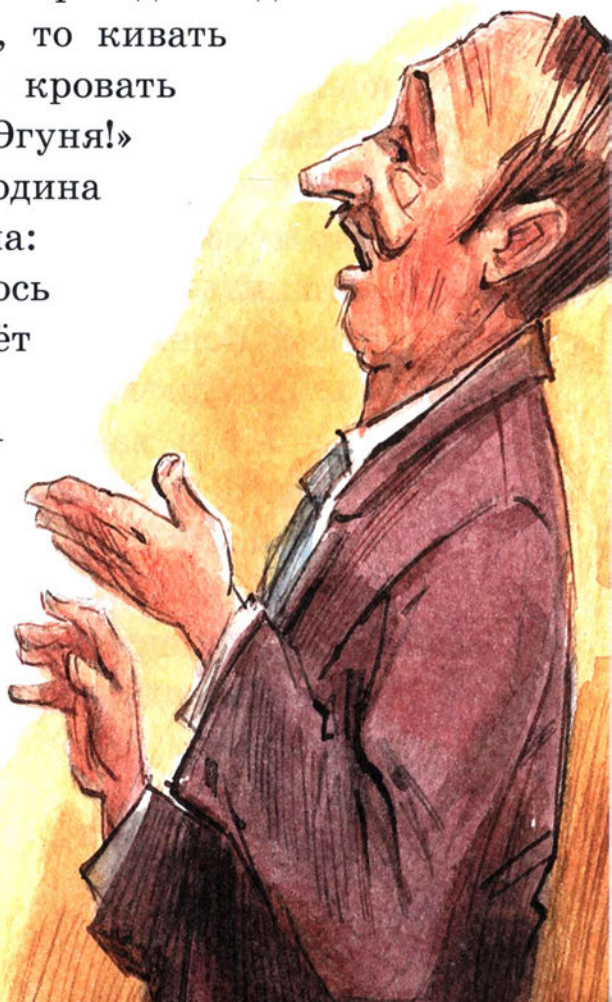
Он, не умолкая, вещал о том, что такой изумительно послушный, благовоспитанный ребёнок, как Конрад, являет собой редкое исключение, и что такому ребёнку необходима поддержка, гораздо лучшая поддержка, нежели та, которую ему способна оказать госпожа Бартолотти.

Госпожа Бартолотти на всё кивала — она не очень-то прислушивалась — и подправляла подушку и одеяло в свежезастеленной детской кровати. Но когда в странной речи господина Эгона она трижды подряд уловила короткое слово «отец», то кивать перестала. Она оттащила детскую кровать в спальню, бормоча: «Минуточку, Эгуня!» А вернувшись, села напротив господина Эгона в кресло-качалку и спросила:

— Скажи-ка, Эгуня, мне показалось или ты тут распространялся насчёт отца?

— Ему срочно необходим отец, — сказал господин Эгон.

— И он у него есть! — воскликнула госпожа Бартолотти. — Это же написано в его свидетельстве о крещении! Конрад Аугуст Бартолотти! Это его отец!

— Если это его отец, — вскричал господин Эгон, и его лоб избороздили четыре мощные скорбные морщины, — тогда пусть он будет любезен вернуться и озаботиться воспитанием столь прекрасного ребёнка! Ибо это его долг!

Тут уж госпожа Бартолотти разошлась не на шутку. Она кричала, что абсолютно не нуждается в Конраде Аугусте. Она в своё время послала его куда подальше, и он, по-видимому, там сейчас и находится, и пусть будет любезен там и впредь оставаться.

— Тогда кто-нибудь должен занять место отца, и я... — начал господин Эгон, но не смог развить свою мысль, так как в гостиную голышом зашёл Конрад и спросил, где он может умыться и есть ли для него в доме зубная щётка.

Зубной щётки для Конрада в доме не оказалось. Зато госпожа Бартолотти, вздохнув, решилась хотя бы вытащить джинсы и свитеры, замоченные в раковине, чтобы Конрад смог умыться.

— Погоди малость, — сказала она Конраду, — я быстренько в ванной приберусь!

При этом она вздохнула ещё три раза. Ей себя было страшно жалко, ведь уборка для госпожи Бартолотти — самая противная работа на свете.

Вернувшись в гостиную, она увидела господина Эгона и Конрада, сидевших рядом и улыбавшихся во весь рот.

— Я теперь его отец, — сказал господин Эгон. — Конрад с этим согласен.

Конрад кивнул. Госпожа Бартолотти взглянула на Эгона, потом на Конрада, вздохнула и сказала:

— Ну и хорошо, меня это устраивает.

На самом деле её это совсем не устраивало. Во-первых, она не считала, что семилетнему мальчику непременно нужен отец. А во-вторых, думала она, если и нужен, то почему такой занудный тип, как Эгон? Эгон дважды в неделю друг, но какой же он отец!

Тем не менее, поскольку Конрад весь светился, она повторила:

— Ну и хорошо, меня это устраивает!

Несколько позже, когда Конрад давно спал в кровати, по словам Эгона, «как ангелочек», госпожа Бартолотти и господин Эгон сидели в гостиной. Господин Эгон пил виски с большим количеством содовой, а госпожа Бартолотти тянула большую рюмку водки с одной вишенкой внутри.

— Завтра тебе надо пойти с Конрадом в школу и записать его, — сказал господин Эгон.

— Завтра воскресенье, — ответила госпожа Бартолотти, — школы не работают.

— Ну, тогда послезавтра, — настаивал господин Эгон, и вообще он уже вовсю предвкушал будущие отцовские радости, когда Конрад станет приносить домой одну твёрдую пятёрку за другой.

Госпожа Бартолотти не замечала в себе никакого предвкушения материнских радостей из-за будущих отметок Конрада. Ей хотелось посмотреть по телевизору детектив, но господин Эгон мешал ей.

– Оставь ты эту муть, мне надо тебе одну серьёзную вещь сказать!

Госпожа Бартолотти не включила телевизор, а стала слушать господина Эгона, который сказал не одну, а сто тысяч серьёзных вещей. Когда он наконец закончил говорить, была уже полночь. Госпожа Бартолотти произнесла, зевая:

– Пока, Эгуня!

Она дала господину Эгону ключ от входной двери, а сама тихо, чтоб не разбудить Конрада, юркнула в свою кровать. Хотя она и очень устала, но заснуть никак не могла. Серьёзные вещи, сказанные господином Эгоном, не шли у неё из головы.

«Ты должна коренным образом измениться, стать опрятнее, следить за манерами и проявлять больше материнского тепла! Тебе надо обрести солидность и перестать пугать людей странными нарядами! Отныне ты должна начать убирать и регулярно готовить, а также следить за тем, чтобы говорить только то, что хорошо и полезно семилетнему мальчику! Ты должна, ты должна, ты должна...»

Эти слова не менее двух тысяч раз вспыхнули в её мозгу, после чего там разместились все сто тысяч

«серьёзных вещей» господина Эгона. Она заснула, но и во сне, в очень глубоком сне, госпожа Бартолотти громко стонала и бормотала: «Ты должна, ты должна, ты должна...»

На другое утро госпожа Бартолотти проснулась намного раньше обычного. Она протёрла глаза и посмотрела на детскую кроватку Конрада. Кровать была пуста. Госпожа Бартолотти испугалась. Она вскочила – на секунду ей показалось, что Конрад всего лишь приснился, – и бросилась в гостиную. Она увидела Конрада, сидевшего с игрушками в уголке. Умытого и причёсанного. Он играл в кубики. При этом бубнил себе под нос:

– Это единицы, это десятки, а вот это сотни.

– Конрад, что ты делаешь?!

– Учусь считать, – ответил Конрад. – Я ведь завтра, наверно, пойду в школу. Будет очень кстати, если я как следует подготовлюсь.

– Как следует, как следует... – ворчала госпожа Бартолотти, идя на кухню, и, когда она убедилась, что Конрад её уже не слышит, выпалила: – Терпеть не могу эти слова, они такие же отвратительные, как «солидно», «регулярно», «прилично». Чёрт-те что и с боку бантик!

Госпожа Бартолотти могла назвать целую кучу слов, которых она не выносила. Кроме «как следует», «солидно», «регулярно» и «прилично» к ним относились: «смысл», «целесообразно», «день-деньской», «поучитель-

но», «порядочно», «манеры», «домашняя хозяйка», «подходящий» и «как положено».

Итак, госпожа Бартолотти стояла на кухне, варила кофе и яйца, жарила – специально для Конрада – омлет с малиной и думала при этом об отвратительных, неприятных словах. Она вспоминала сто тысяч «серьёзных вещей» Эгона и стала убирать с кухонного стола. Она накрыла стол зелёно-розовой скатертью в цветочек и принесла из буфета в гостиной пластиковый сервиз на двадцать четыре персоны (разумеется, лишь двенадцатую часть от него).

В центр кухонного стола она поставила – за неимением цветов в доме – стакан с водой, в который были воткнуты пучок зелёного лука и пучок петрушки. Оглядев накрытый к завтраку стол, она подумала: теперь меня даже Эгон похвалил бы. Приготовить завтрак лучше и с большей материнской заботой нереально.

Конрад пил кофе, ел омлет, бутербродики с маслом и ветчиной.

– Здорово же ты проголодался! – заметила госпожа Бартолотти.

– Нет-нет, – сказал Конрад, – я уже очень сыт, больше не могу.

– Ну тогда и не ешь.

– Извини, но всё, что стоит на столе, должно быть съедено, и в первую очередь то, что у тебя на тарелке, – заявил Конрад.

Госпожа Бартолотти быстро сняла со стола три последние булочки и приличный кусок ветчины и сыра, поставив всё на кухонный буфет. Теперь на столе ничего съедобного не осталось. Конрад облегчённо вздохнул.

Обычно госпожа Бартолотти по воскресеньям работала. Но сегодня она решила: в воскресенье семилетнему мальчику захочется на природу. Погулять или поиграть в мяч. Не исключено, что Конраду захочется на аттракционы или в зоопарк!

Но Конраду не захотелось ни в зоопарк, ни на аттракционы, ни тем более на природу.

Конрад сказал:

– Хочу сегодня подготовиться к школе. Я уже учился считать, писать и читать. У нас был хороший подготовительный класс. Но я, конечно, не знаю, что успели пройти ребята моего возраста в местной школе.

И Конрад спросил госпожу Бартолотти, не могла бы она сделать для него любезность – сходить к семилетнему ребёнку и одолжить учебники, он бы их просмотрел.

– Вот как, разве ты не хочешь пойти в первый класс? – спросила госпожа Бартолотти и предположила: – Они наверняка далеко вперёд не ушли, ведь занятия начались лишь месяц назад. За это время много не пройдёшь!

Конрад решительно мотнул головой. Он сказал, что у него даже в мыслях нет пойти в первый

класс. Он ведь, в конце концов, не только растворимый ребёнок, но ещё и элитный ребёнок. Он намного превосходит по интеллекту рядовых детей, и потому было бы просто стыдно не использовать свои умственные способности соответствующим образом. Ему хочется пойти хотя бы во второй класс, заявил он.

Госпожа Бартолотти ещё раз вздохнула, затем спустилась на первый этаж – сама она жила на втором – и позвонила в квартиру, находившуюся прямо под её собственной. Там проживало семейство Рузика, а Китти Рузика было семь лет, и она училась во втором классе.

Дверь открыл господин Рузика. Из-за его спины с любопытством выглядывала Китти. А за ней стояла госпожа Рузика и смотрела с ещё большим любопытством. Госпожа Бартолотти прежде никогда с Рузиками не заговаривала, хотя они жили в этом доме более пяти лет. Госпожа Бартолотти вообще не часто общалась с людьми из её дома, да и они не очень-то стремились с ней поговорить. Люди в доме считали госпожу Бартолотти «чужаковатой». Из-за её странных нарядов. И из-за ярко раскрашенного лица. И ещё она на лестнице сама с собой разговаривала.

Госпожа Бартолотти даже не догадывалась, что соседи по дому считали её «чужаковатой», но теперь,

когда трое Рузиков вперились в неё с нескрываемым любопытством, ей пришло в голову, что её просьба прозвучит, наверное, довольно чудно. Разве станет взрослая женщина просить почитать школьные учебники?

– Чем могу служить? – спросил господин Рузика.

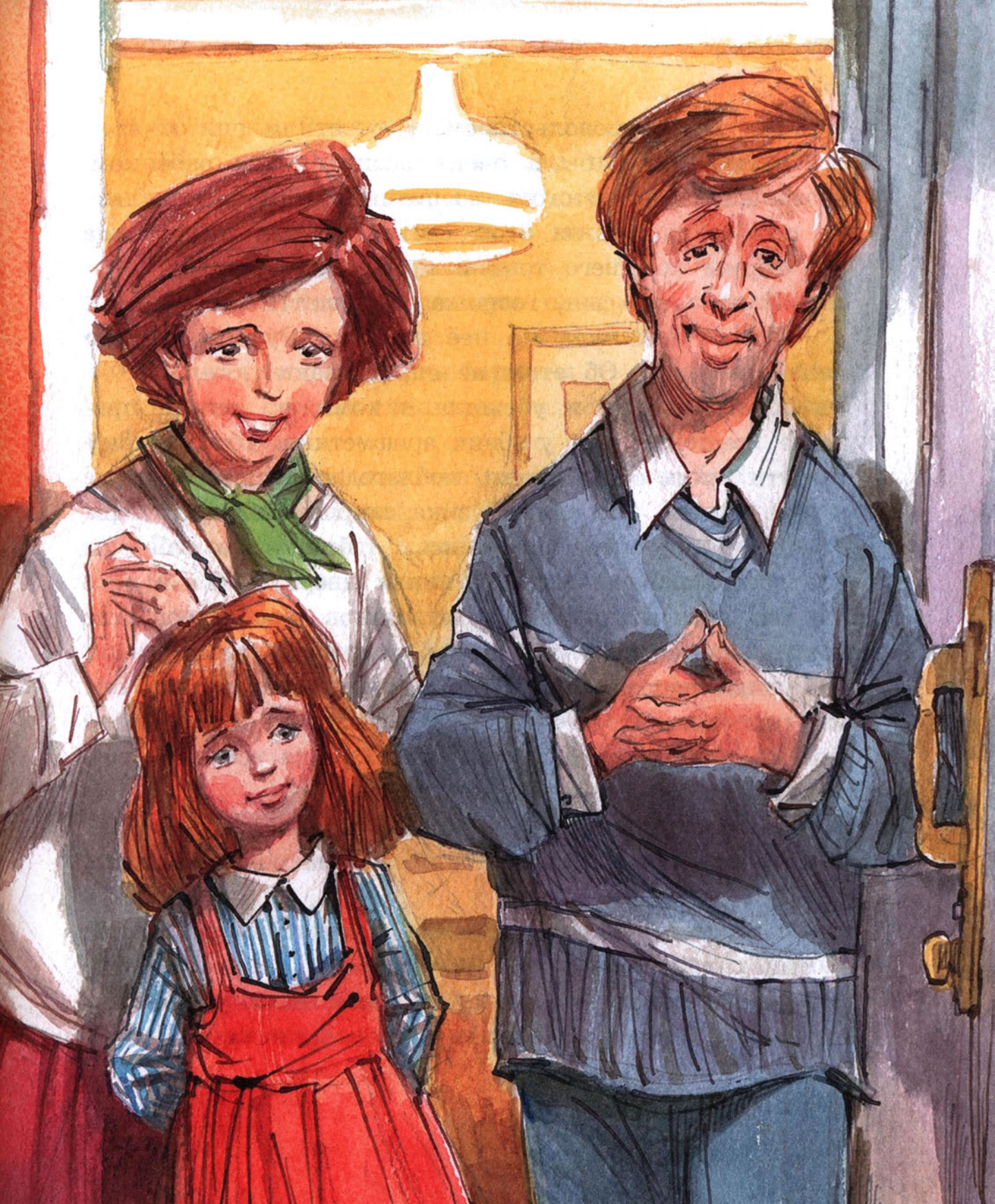
Мысли в голове госпожи Бартолотти носились туда-сюда как ужаленные в поисках правдоподобной лжи. Одна мысль была такая: племянник ко мне приехал, хочет что-нибудь почитать. Другая: мне надо соткать ковёр с каким-нибудь рисунком из хрестоматии! На странице двадцать три в учебнике арифметики есть премилая картинка.

– Чем могу служить? – переспросил господин Рузика.

Госпожа Бартолотти решила, что мысли, родившиеся в её мозгу, – дурацкое враньё. Поэтому сказала правду:

– Мой сын идёт завтра в школу, и он хотел бы заранее ознакомиться со школьными учебниками, а так как ваша дочка учится во втором классе, я подумала: не могли бы вы одолжить ему учебники до вечера? Вечером я их верну.

Господин и госпожа Рузика были людьми хорошо воспитанными и, как свойственно хорошо воспитанным людям, не стали спрашивать ничего лишнего. Хотя от сказанного госпожой Бартолотти оба просто обалдели.

– Да, да, с удовольствием! – ответили они хором.

Китти Рузика была очень воспитанным ребёнком, но конечно же не столь воспитанным, как взрослые. За свои семь лет на этом свете она ещё не усвоила все формы хорошего тона и прямо спросила:

– У вас есть сын, госпожа Бартолотти?

– Тсс! – шикнула на неё госпожа Рузика и добавила громче: – Об этом не спрашивают!

Китти кивнула и убежала в комнату, откуда принесла хрестоматию и учебник арифметики. Госпожа Бартолотти взяла обе книжки, поблагодарила и поспешила к себе наверх. Господин Рузика закрыл входную дверь.

– Они вообще не удивились, – бормотала себе под нос госпожа Бартолотти, отпирая дверь. – Да и чего бы им удивляться? В конце концов, это совершенно нормально, когда у женщины есть сын.

Сумей госпожа Бартолотти видеть сквозь пол, она бы заметила, что и она, и её сын очень даже могли вызвать удивление. Ибо семейство Рузика всё ещё стояло за входной дверью в передней.

Все трое уставились на дверь, шепча:

– У неё... сын!.. Семилетний! С ума сойти! У неё... сын?!

После чего госпожа Рузика возмущённо засопела и выдохнула:

– Провалиться мне на этом месте, если у неё есть сын!

А господин Рузика сказал:

– Даже если он и существует, почему же у него нет школьных учебников, а если ему уже семь, почему тогда он лишь завтра пойдёт в школу?

А Китти Рузика спросила:

– Можно, я потом поднимусь наверх и посмотрю на сына?

– Заявляться с бухты-барахты – некрасиво, она ведь тебя не приглашала, – возразила госпожа Рузика.

– Но за своими книжками я могу прийти! – воскликнула Китти Рузика.

– Да, это вариант, – согласился господин Рузика. – Только не слишком рано. Чтоб не создалось впечатления чрезмерного любопытства. Во второй половине дня поднимешься к ним.

Китти этому очень обрадовалась и с нетерпением стала ждать вторую половину дня.

Конрад же безумно обрадовался учебнику арифметики и хрестоматии. Правда, он слегка опешил от огромного количества человечков и цветочков, которыми Китти разрисовала поля учебника арифметики. А в хре-

стоматии все большие буквы «О» были закрашены цветными карандашами.

– Разве такое можно детям? – спросил он.

Госпожа Бартолотти не знала точно, можно это детям или нет. В её время, сказала она, рисовать в книгах детям было нельзя.

– Но с тех пор столько воды утекло! – вздохнула она. – Наверно, в школах многое изменилось.

– Это уж точно! – согласился Конрад.

Госпожа Бартолотти принесла карандаш, пенал с ручками и много бумаги – в линейку и в клеточку. И Конрад считал, рылся в книгах, читал вслух и про себя, записывал слова и целые предложения, то и дело кивая головой.

Госпожа Бартолотти почувствовала себя лишней и решила наконец завязать в узлы длинную бахрому по краям зелёного ковра. Она должна была сдать его ещё две недели тому назад. Оплетать ковёр бахромой очень нудная работа, поэтому она откладывала её со дня на день, с недели на неделю. Она всегда откладывала скучную работу до тех пор, пока ей снова срочно не требовались деньги. Теперь ей деньги потребовались срочно – ведь она все сбережения спустила на одежду для Конрада.

Госпожа Бартолотти взяла клубок зелёной шерсти и деревянную доску. Она обмотала доску шерстью, потом портновскими ножницами прорезала все нити.

У неё получился толстенный пучок нитей одинаковой длины.

– Деточка, теперь возьми вязальный крючок и вдень бахрому, – сказала себе госпожа Бартолотти.

– Сию секунду, мама! – крикнул Конрад.

Не сразу удалось госпоже Бартолотти втолковать Конраду, что под «деточкой» она имела в виду не его, а себя. А когда это до Конрада дошло, в дверь позвонили. Конрад побежал открывать и вернулся с господином Эгоном.

– Ты?! – воскликнула госпожа Бартолотти. – Зачем ты пришёл?

– В каком смысле? – удивился господин Эгон. – Надеюсь, я вам не помешаю!

– Конечно, не помешаешь, – сказала госпожа Бартолотти, – но суббота была вчера. А вторник будет только послезавтра.

– Это больше не имеет значения! Я ведь теперь отец, – заявил господин Эгон.

– Ага, ну да, вот, значит, как, – пробормотала госпожа Бартолотти.

Она откашлялась:

– Ну и как часто, хотелось бы знать, должен приходить отец? – спросила она.

– А сколько сможет, – сказал господин Эгон.

Госпожа Бартолотти подумала, что хоть господин Эгон каждый день по восемь часов и занят в апте-

ке, других дел у него нет. А также нет ни жены, ни друзей, ни детей (не считая Конрада). Он не играет в теннис, не ходит на футбол, не смотрит телевизор, не совершает турпоходов и не играет в шахматы.

– Ты-то сможешь очень часто, – бросила госпожа Бартолотти.

Не сказать чтоб голос её звучал радостно.

– Ещё бы! – воскликнул господин Эгон, и его голос звучал очень даже радостно. – Отныне мы будем вместе каждую свободную минуту! Разумеется, когда Конрад не спит. Когда он спит, отец ему особенно не нужен!

Госпожа Бартолотти протаскивала вязальной спицей одну за другой нитки бахромы через толстый ковёр, в душе горячо желая, чтоб у Конрада был крепкий, хороший и прежде всего очень долгий сон.

Потом господин Эгон проверил Конрада по арифметике. Он опросил его не только по лёгким заданиям на первых страницах, но и погонял по сложным на последних. Конрад всё решал правильно. Он даже почти все результаты выдавал быстрее самого господина Эгона. Читать Конрад умел как взрослый и писал тоже безупречно.

– Ребёнку место не в первом классе и даже не во втором, – восторженно заключил господин Эгон. – Ему место в третьем, а то и в четвёртом классе!

– В семь лет в четвёртый класс не принимают, – отрезала госпожа Бартолотти и, закусив губу, потянула шерстяную нитку, не желавшую протыкаться, через ковёрный рант.

– Такого смышлёного, как мой Конрад, возьмут!

Госпожа Бартолотти бросила шерстяную нитку.

– Твой Конрад? Почему это твой Конрад?

– Извини, я имел в виду: наш Конрад.

– А я имею в виду: мой Конрад! – воскликнула госпожа Бартолотти, что прозвучало довольно-таки недобро.

– Давай не будем спорить, Берточка, и уж тем более в присутствии ребёнка, – мягко попросил господин Эгон.

Госпожа Бартолотти кивнула, снова взялась за нить и потянула её.

– Тем не менее даже такого развитого мальчика в четвёртый класс не примут. Они этого не позволяют! – сказала госпожа Бартолотти.

– Тогда пусть занимается по особой программе! Для оособоодарённых такое наверняка возможно.

– Пожалуйста, – сказал Конрад, – пожалуйста, я не хочу никакой особой программы. Это будет неправильно. Я наверняка хорошо впишусь во второй класс. В школе ведь не только учатся читать, считать и писать. Там ещё учатся входить в коллектив, учатся

петь, рисовать, занимаются физкультурой. И я этим всем с удовольствием буду заниматься.

— Ну, если тебя это устраивает, — сказал господин Эгон, — то и хорошо.

В хрестоматии Конрад обнаружил несколько вещей, о которых понятия не имел. Он не знал, что такое подснежник, кто такой Санта-Клаус и кто такой младенец Христос. А ещё он не разбирался ни в розах, ни в гвоздиках. И о церкви он тоже ничего не слышал.

Сперва господин Эгон сделал доклад о Санта-Клаусе и о младенце Христе. Конрад внимательно слушал. Когда господин Эгон закончил доклад, Конрад бросил взгляд на бумажку, на которой он всё время что-то записывал, и сказал:

— Значит, повторю: у младенца Христа есть крылья, он прилетает с неба, плавно спускается вниз и дарит всем детям подарки. Богатые дети получают много, бедные дети получают мало, а совсем бедные не получают ничего. У Санта-Клауса крыльев нет, зато есть золотой посох. Он приходит и раздаёт подарки по тому же принципу. Правильно?

Госпожа Бартолотти тихо прыснула. Господин Эгон пролепетал:

– Ну... это самое, Конрад, я думаю, я не вполне точно... это самое, знаешь ли...

– Не рассказывай сказки, Эгуня, – оборвала его госпожа Бартолотти, после чего обернулась к Конраду: – Всё, о чём он тут говорил, всё не так. Абсолютно не так! Нет ни младенца Христа, ни Санта-Клауса и пасхального зайца тоже нет.

– Чего-чего, извини? – переспросил Конрад.

– Пасхального зайца! – воскликнула госпожа Бартолотти. – Это всё вещи, которые и родители, и дедушки-бабушки, и дяди-тёти рассказывают детям.

– А зачем они это делают?

Госпожа Бартолотти пожала плечами.

– Почём я знаю! Думаю, взрослым очень нравится вешать детям лапшу на уши. Они тогда сами себе кажутся такими умными-преумными...

– Ну, Берточка, я бы попросил! Так с детьми не разговаривают, – прошептал господин Эгон. – Бертуся, возьми себя в руки, пожалуйста!

– Правда она и есть правда, – фыркнула госпожа Бартолотти, – она и для детей правда!

– Перестань, Берточка! Пусть всё снова будет тихо-мирно, – взмолился господин Эгон.

– Ты действуешь мне на нервы! – огрызнулась госпожа Бартолотти.

Тут господин Эгон вздохнул и решил пойти с Конрадом погулять.

— Сначала, — сказал он, — мы осмотрим церковь, а потом заглянем в цветочную лавку, там должны быть выставлены розы, гвоздики и подснежники. Давай, Конрад, бери шапку, мы уходим, мамочка сегодня сильно не в духе!

Конрад взял шапку, сказал:

— Папа, я готов. — И добавил: — До свидания, мама. После чего они с господином Эгоном ушли.

Госпожа Бартолотти посмотрела им вслед и состроила гримасу, такую сердитую, страшно сердитую гримасу. Когда за ними захлопнулась дверь, она громко произнесла:

— Получить ребёнка — это ещё куда ни шло! Против этого какие могут быть возражения? Но отец меня раздражает. Мне он ни с какой стороны не нужен. И я его точно не заказывала!

В тот день больше ничего особенного не произошло. Приходила Китти Рузика, забрала свои учебники и очень огорчилась, что сын госпожи Бартолотти ушёл с отцом гулять. Она провела больше получаса у госпожи Бартолотти, надеясь, что мальчик скоро вернётся. Они сидели

рядом в гостиной, читая и рассматривая книжку-картинку Конрада и причёсывая светло-русые волосы прелестной куклы. Тут в дверь позвонили. На сей раз это оказалась госпожа Рузика. Она пришла с извинениями:

– Тысячу раз прошу прощения, что моя дочь столь долго вас утомляет. Мы ей разрешили лишь сходить за своими книжками!

Это она произнесла слащавым голосом, а потом желчным голосом велела Китти:

– Быстро домой, обед стынет! В гостях без приглашения не задерживаются!

Госпожа Бартолотти заверила, что у неё каждый может оставаться сколько хочет, даже без приглашения.

– Нет, нет, это невоспитанность, – сказала госпожа Рузика, на сей раз снова слащавым голосом.

Госпожа Бартолотти хотела подарить Китти светловолосую куклу, однако госпожа Рузика такие дорогие подарки принимать наотрез отказалась.

– И речи быть не может! – прикрикнула она на Китти, которая уже собиралась взять куклу.

Госпожа Бартолотти сказала:

– Нам кукла не нужна.

– Мам, ну я тебя очень прошу, очень, очень! – взмолилась Китти.

– Но это невозможно! Я такого подарка принять никак не могу! – упёрлась госпожа Рузика. – Нет, это на самом деле невозможно!

Так повторялось ещё раз тринадцать: то с одной стороны, то с другой и наоборот, пока у госпожи Бартолотти не лопнуло терпение и она не перебила их:

— Вам, госпожа Рузика, вовсе и не надо куклу принимать, пусть дочка возьмёт, а она очень хочет!

Тут Китти воскликнула:

— Точно! Именно! Я хочу! — и схватила куклу.

Китти с такой силой прижимала к себе куклу, что госпожа Рузика поняла: она её не отдаст. Поэтому она пропела своим слащавым голосом:

— Ну тогда, Китти, тогда поблагодари как следует!

Китти поблагодарила как следует, сказав «большое спасибо», и госпожа Рузика стала подталкивать Китти к выходу. На пороге она ещё трижды пробормотала:

— Правда, не стоило этого делать!

Госпожа Бартолотти закрыла за ними дверь и подумала: какие же люди бывают в действительности сложные и очень, очень тяжёлые. Потом ей пришло в голову, что надо готовить ужин, а готовить не из

чего: в доме шаром покати. В следующую секунду она подумала: можно ведь куда-нибудь пойти поест, какого-нибудь стейка с грибами и картофельными оладьями. Но тут её осенило, что это невозможно, так как ни в бумажнике, ни в кожаном мешочке, ни в футлярчике, ни в кошельке денег нет.

К такому положению вещей госпожа Бартолотти уже привыкла. Она иной раз могла спокойно обойтись и без ужина. Но сто тысяч «вещей» господина Эгона не шли у неё из головы.

— Деточка, — сказала она себе, — хорошая мать должна всегда иметь для своего дорогого Конрада наготове нормальный, пристойный и сытный ужин.

Госпожа Бартолотти уселась в гостиной в кресло-качалку. Она зажгла сигару и ждала, что после трёх раз по три затяжки ей что-нибудь придёт в голову. При этом она покачивалась. Но кое-что пришло ей в голову лишь после трёх затяжек по пять раз.

Дорогуша Эгон во что бы то ни стало хочет быть отцом. Прекрасно! Теперь он отец Конрада. Отец должен платить за сына. Так положено! Это называется алименты. Эгон должен заплатить мне алименты прямо сегодня вечером, и тогда я возьму их, и мы пойдём поужинаем!

Вот что пришло в голову госпоже Бартолотти. И когда Эгон с Конрадом пришли домой с прогулки, госпожа Бартолотти сразу сообщила Эгону о своей идее. Эгон переменился в лице, потом пролепетал, что, мол,

к такому повороту он ещё не готов да и столько денег при себе не имеет.

— Ну дай хотя бы аванс, — сказала госпожа Бартолотти.

Гоподин Эгон вытащил двести шиллингов. Госпожу Бартолотти это вполне устроило, так как на двести шиллингов можно заказать две порции стейка с грибами и картофельными оладьями, а потом ещё малиновое мороженое и яблочный сок на десерт.

Затем госпожа Бартолотти с Конрадом пошли в ресторан «У прыгучей серны», а господин Эгон поплёлся к себе.

Когда они вернулись из ресторана, Конрад сразу же отправился спать. Госпожа Бартолотти навязала ещё один метр бахромы на зелёный ковёр.

— Чтобы завтра в доме снова появились деньги, — сказала она.

Больше в тот день уже ничего не случилось. Зато на другой день, в понедельник, случилось много всего.

Госпожа Бартолотти проснулась на следующее утро уже в полпятого. Впервые в жизни она встала в такую рань. Она тихонько вылезла из кровати, потому что

не хотела побеспокоить Конрада, однако Конрад уже был на ногах.

– Не могу больше спать, – сказал он, – так не терпится в школу пойти!

Госпожа Бартолотти отправилась в ванную. Она взглянула в зеркало и поняла: сегодня не её день.

– Старее и страшнее просто не бывает, – буркнула она своему отражению.

Потом она подумала, что в школе её могут принять не за маму Конрада, а за его бабушку или даже за прабабушку! Госпожу Бартолотти натурально трясло, за завтраком она разбила подставку для яиц и чашку.

– Что с тобой? – спросил Конрад. – Нервничать – это когда человек такой, как ты сейчас?

Да, она слегка нервничает, призналась госпожа Бартолотти. Она не знает, как им в школе объяснить, что Конрад до семи лет не учился, но тем не менее сейчас метит прямо во второй класс.

– В третий, – сказал Конрад. – Я сегодня ночью хорошенько подумал. Второй класс не для меня. Мне там будет очень скучно!

– Но для этого тебе нужно свидетельство об окончании второго класса! Иначе тебя в третий не возьмут!

Конрад подошёл к кухонному буфету и достал из ящичка синий пластиковый конверт, где лежали его документы. В пластиковом конверте имелся боковой

кармашек, его госпожа Бартолотти не заметила. Оттуда Конрад вытащил лист твёрдой светло-зелёной бумаги.

– Вот оно, свидетельство, – сказал он.

– За какой класс? – поинтересовалась госпожа Бартолотти.

– Класс мне ещё надо указать, – объяснил Конрад, протягивая госпоже Бартолотти свидетельство.

На нём крупными чёрными буквами было написано:

«Табель успеваемости за учебный год». И чуть ниже: «Конрада Бартолотти». Ещё ниже шли сплошные пятёрки. Пятёрки по физкультуре, пению, рисованию, поведению, чтению, письму, арифметике, естествознанию и немецкому языку.

На обороте светло-зелёного свидетельства значилось:

«Ученик Конрад Бартолотти на основании ... успеваемости годен для перевода в ... класс».

Снизу опять стояла неразборчивая подпись, но определённо либо Гунберт, либо Гонбурт или Монберт.

Над подписью с трудом просматривалась круглая печать.

– Из какой же школы это свидетельство? – спросила госпожа Бартолотти.

Она осмотрела светло-зелёную бумагу с обеих сторон и увидела над жирной надписью «Табель успеваемости за учебный год» ещё одну, также крупно набранную, строку: «Немецкая общедоступная школа в Заире (Конго)».

– Блеск! – прошептала госпожа Бартолотти.

– Почему блеск? Из-за пятёрок? – спросил Конрад.

– Ты же, наверное, никогда в Конго не был, так? – спросила госпожа Бартолотти.

– Нет, к сожалению, – ответил Конрад. – Но ты можешь не волноваться, свидетельство в любом случае действительно. Ведь учебное заведение на фабрике – филиал школы в Заире! Всё будет в порядке.

Конрад откашлялся и продолжил:

– К тому же в Заире в школу принимают с четырёх лет. Поэтому и мой возраст для третьего класса тоже вполне подходит.

Госпоже Бартолотти не верилось в чудо. Зато ей стало гораздо спокойнее, она могла в школе предъявить свидетельство. Однако кое-что ещё её тревожило.

– Ну а если они тебя в школе спросят про Заир?

– Про Заир я знаю больше, чем обычный преподаватель средней школы, – успокоил её Конрад.

– Тогда ладно, – сказала госпожа Бартолотти, – тогда двинулись.

Она сунула документы, свидетельство о прививках и годовой табель успеваемости в свою сумочку, надела заячью шапку и влезла в заячью шубу.

– Подожди, мамочка! – воскликнул Конрад. – Мне табель ещё нужен!

Госпожа Бартолотти вынула табель.

– И ручка тоже! – добавил Конрад.

Госпожа Бартолотти дала ему ручку.

На оборотной стороне табеля, в том месте, где стояло многоточие перед словом «успеваемости» Конрад вписал: ОТЛИЧНОЙ, а в пропуск перед словом «класс» вписал: ТРЕТИЙ.

Теперь там значилось:

Ученик Конрад Бартолотти на основании отличной успеваемости годен для перевода в третий класс.

Конрад подождал, пока высохнут чернила, и вернул табель успеваемости госпоже Бартолотти. А она снова положила его в сумочку. Конрад надел на голову голубенькую шапку с колокольчиком и облачился в стёганую куртку из пёстрых кусков.

На лестничной клетке, у самого выхода, их нагнала Китти Рузика с большим ранцем за спиной. Она во все глаза смотрела на Конрада.

— Ты тоже идёшь во второй класс? — спросила она.

Конрад отрицательно покачал головой.

— Я как следует подумал, — сказал он, — я пойду в третий.

Этот ответ до того сразил Китти Рузика, что она просто застыла на лестнице и не сводила глаз с госпожи Бартолотти и Конрада, пока те не скрылись из виду.

Чтобы добраться до школы, надо было сперва спуститься вниз по узкой улочке, где жила госпожа

Бартолотти, потом свернуть на большую улицу, забирающую вверх, миновать семь здоровенных жилых блоков, а там снова повернуть ещё в одну узкую улицу.

Конрад и госпожа Бартолотти поднимались по большой улице. Госпожа Бартолотти сказала:

– Знаешь, Конрад, мне кажется, опрометчиво было говорить Китти, что ты...

Конрад перебил её:

– Знаю, я это тоже заметил. Впредь буду более осторожен.

Когда они наконец после седьмого жилого блока свернули с большой улицы на узкую школьную, Конрад задумчиво произнёс:

– Понимаешь, мама, вообще-то мне не очень приятно так, так... – Он подыскивал подходящее слово и нашёл его уже у самых школьных ворот. – Так... скрытничать! – выдохнул он. – Мне больше по душе всем людям говорить правду. Но необычные обстоятельства требуют необычных мер, как нам говорил заведующий отдела готовой продукции.

– Этот господин определённо прав, – откликнулась госпожа Бартолотти.

– А я же в какой-то степени необычное обстоятельство. Пока ведь большинство детей производятся на свет другим способом! И поэтому, мне кажется, необычные меры вполне оправданны!

– Точно, – согласилась госпожа Бартолотти и открыла школьную калитку, – точно, Конрад. Ты только не сердись, я думаю, тебе надо принять ещё одну необычную меру и при школьной директорше по возможности всё-таки выражаться немного более по-детски.

– Я выражаюсь не по-детски? А что не по-детски? – спросил Конрад.

– Сама не очень понимаю, я ведь семилетних детей плохо знаю, – бормотала госпожа Бартолотти, тяжело поднимаясь по лестнице на второй этаж. – Но мне сдаётся, семилетние говорят проще, они ещё не знают столько слов, сколько ты.

– Каких слов?

Госпожа Бартолотти ответить не успела. Они уже стояли перед дверью с табличкой «Дирекция».

Рядом с дверью их поджидал аптекарь Эгон. На нём был чёрный костюм, на шее чёрный галстук и чёрный портфель под мышкой.

– Эгон, Эгуня, а ты что тут делаешь? – спросила госпожа Бартолотти.

Господин Эгон приложил палец к губам: «Тсс! Тсс!», призывая госпожу Бартолотти говорить потише.

– Я ведь, как ни крути, отец, – шёпотом сказал он. – Иными словами, если возникнут сложности, я вам понадоблюсь. Я ведь должен вам помогать!

У госпожи Бартолотти вырвался такой глубокий вздох, что господин Эгон снова шикнул на неё: «Тсс! Тсс!»

– Эгон, прошу тебя, иди домой или в аптеку, – прошипела госпожа Бартолотти. – Иди куда хочешь, только – иди!

– Даже не подумаю, – прошипел в ответ господин Эгон. – Я – отец и я останусь!

После чего господин Эгон постучал в дверь.

– Да, войдите! – громко сказал внутри женский голос.

Господин Эгон открыл дверь и вошёл в кабинет директора. Конрад и госпожа Бартолотти вошли за ним. Конрад держался за руку госпожи Бартолотти.

– Чем могу быть полезной? – спросила довольно пожилая и довольно округлая дама.

Она не сидела за письменным столом, а стояла перед ним, держа в руках стопку тетрадей.

– Мы хотели бы записать к вам в школу нашего сына, – мягко вступил господин Эгон.

Довольно пожилая, довольно округлая дама положила стопку тетрадей на стол.

– Записать? Сейчас? С какой стати? В первый класс? Да это вам надо было сделать ещё весной! Занятия давно идут! К тому же сейчас без одной минуты восемь, а моя коллега, госпожа Штайнц, больна, и я её замещаю. Я должна идти в 3 «А», вот-вот раздастся звонок!

– Извиняюсь, он пойдёт не в первый, а во второй класс! – сказал господин Эгон.

– Он в третий пойдёт! – возникла госпожа Бартолотти и бросила заговорщицкий взгляд на господина Эгона. – В третий! Во втором он уже был. Она бросила на господина Эгона ещё более заговорщицкий взгляд. – В Заире, в За-и-ре! В Заире он ходил во второй класс.

Господин Эгон не уловил, на что намекала госпожа Бартолотти, но уловил, что надо держать язык за зубами.

Прозвенел школьный звонок. Госпожа директорша изобразила на лице полное отчаяние.

– Ну что же мне теперь с вами делать? – спросила она. – 3 «А» надолго одних оставлять нельзя, это ужасный класс. Мне надо идти!

Госпожа Бартолотти настаивала:

– Записать мальчика в третий класс много времени не займёт.

Госпожа директорша возразила:

– Для этого потребуется немыслимая куча формуляров, которые надо очень чётко заполнить.

Но потом госпожа директорша всё-таки села за письменный стол и позволила госпоже Бартолотти передать ей принесённые бумаги, свидетельство о прививках и табель успеваемости за последний год.

Господин Эгон в волнении уставился на документы Конрада из «Немецкой общедоступной школы в Заире». Госпожа директорша разглядывала их с не меньшим волнением. Она страшно обрадовалась столь замечательному ученику из столь отдалённой школы.

— Что ж, это и впрямь много времени не займёт, — сказала она. — Вы принесли все необходимые документы и справки. А с этим всегда проблемы.

И директорша прямо из своего кабинета повела Конрада в 3 «А». Она даже одолжила ему карандаш и ручку с тетрадкой. У самого Конрада вообще никаких школьных принадлежностей с собой не было.

Госпожа Бартолотти и господин Эгон смотрели, как Конрад рядом с госпожой директоршей поднимался вверх на второй этаж. У госпожи Бартолотти отлегло от сердца: запись в школу прошла без проблем.

Господин Эгон тихо поскуливал из-за того, что болел большой палец на его левой ноге, на который трижды, ещё в кабинете директорши, наступала госпожа Бартолотти. Совершенно сознательно, причём именно в те моменты, когда директорша

называла его «дорогой господин Бартолотти», а господин Эгон пытался на это ответить: «Простите, но меня зовут не господин Бартолотти...» При каждом «Простите, но меня...» госпожа Бартолотти наступала ему на ногу, и господин Эгон замолкал на полуслове.

— С твоей стороны это просто свинство так отдавить мне ноги! — возмущался господин Эгон, когда они спускались по лестнице.

— Очень жаль, но это было необходимо, — сказала госпожа Бартолотти.

На самом деле ей ничуть не было жаль. Она бы даже с удовольствием ещё разок наступила господину Эгону на ногу. Уж слишком рьяно вмешивается он в её жизнь и в жизнь Конрада.

Обиженный господин Эгон тут же ушёл, прихрамывая, в аптеку. Глядишь, он так обиделся, что сегодня больше не появится, думала ехидно госпожа Бартолотти. Но тут она сильно заблуждалась!

В полдень, ровно в двенадцать, госпожа Бартолотти отправилась в школу за Конрадом.

Перед школьными воротами маячил господин Эгон. Он всё ещё дулся и заявил госпоже Бартолотти, что

не мог знать наперёд, придёт она за Конрадом или нет.

— И потом, ты же всегда и везде опаздываешь, — сказал он.

Тут уж госпожа Бартолотти вскипела от ярости. Так как она вовсе не всегда опаздывала. Если дело касалось чего-то важного, она была сама пунктуальность.

— Такие люди, как ты, — загремела она, — привыкли вечно валить с больной головы на здоровую! Только из-за того, что ты ткёшь ковры, у тебя нет мужа и лицо сильно раскрашено, тебя уже причисляют к безответственным людям. Да это беспримерная наглость!

— Тише, прошу тебя, на нас уже оглядываются, — взмолился господин Эгон.

Затем он достал из кармана несколько купюр и произнёс:

— Это остаток алиментов. Первого числа следующего месяца снова получишь от меня деньги.

Госпожа Бартолотти сунула деньги в сумочку и попыталась улыбнуться. Это далось ей нелегко. В школьном здании прозвенел звонок.

— Сейчас он выйдет, — предположил господин Эгон.

— Надеюсь, ему понравилось, — предположила госпожа Бартолотти.

— Наверняка он в первый же день заработал пятёрку, — высказался господин Эгон.

– Мне на это наплевать, – высказалась госпожа Бартолотти.

Сперва из школы высыпала ватага мальчишек, потом ватага девчонок, а за ними повалили мальчишки с девчонками вперемешку. Последним вышел Конрад.

Увидев госпожу Бартолотти и господина Эгона, он направился к ним.

Кто-то крикнул ему вслед:

– Бартолотти-бегемотти, Бартолотти-идиотти!

Конрад не обернулся.

– Всё хорошо прошло? – спросила госпожа Бартолотти.

– Пятёрку получил? – спросил господин Эгон.

Конрад покачал головой.

– Нет? А в чём дело? – Господин Эгон был разочарован.

– Может, тебе всё-таки лучше пойти во второй класс? – предложил он.

– Не-а, старик, – сказал Конрад, – не-а, по-честному! От всей фигни, чё они там мусолят, по-любому уши вянут. Мне «пятёра» не обломила, потому я ваще варежку не открывал!

– Конрад, ты как разговариваешь?! – У господина Эгона от изумления на лбу образовалось аж семь глубоких морщин.

– Говорю, как ребёнок, ну в смысле как все другие.

Он обратился к госпоже Бартолотти:

— Мне кажется, до меня дошло, что ты сегодня утром имела в виду, и, мне кажется, у меня это уже мало-мальски получается.

Затем Конрад обратился к господину Эгону:

— Я потому сегодня в классе молчал, чтобы сначала лучше усвоить правильную манеру речи. Завтра... — Конрад улыбнулся господину Эгону, — завтра я заговорю и наверняка получу пятёрку. Раз уж это для тебя такая радость!

Все вместе они пошли по большой улице. Конрад шагал посередине между госпожой Бартолотти и господином Эгоном.

— Только пока очень сложно различать, что по-детски, а что грубо. Это мне ещё нужно как следует изучить.

Когда они свернули на небольшую улицу, где жила госпожа Бартолотти, их нагнала Китти Рузика. Она помахала Конраду. Госпожа Бартолотти остановилась.

— Уж не та ли это невоспитанная девочка, которая живёт под тобой? — спросил господин Эгон.

И когда госпожа Бартолотти кивнула, он заметил:

— Мне бы не хотелось, чтобы Конрад дружил с ней. Она многократно показывала мне язык!

Для госпожи Бартолотти Китти Рузика сделалась вдруг ещё более симпатичной.

— Мой сын, — отчеканила она громким голосом, — очень даже будет дружить с этой девочкой!

— А мой — нет! — воскликнул господин Эгон.

Китти Рузика находилась совсем недалеко от них. Конрад спросил:

— Скажите, пожалуйста, как мне теперь быть? Надо с ней водиться или нет?

— Тебе надо... — сказал господин Эгон. И тут же вскрикнул: — Ой!

Это госпожа Бартолотти снова наступила ему на ногу.

— Видишь, «тебе надо»! Так отец говорит! — заметила госпожа Бартолотти ухмыляясь.

Китти между тем приблизилась к Конраду и сказала:

— Добрый день, госпожа Бартолотти!

Господину Эгону она кивнула, Конраду улыбнулась.

— У меня сегодня день рождения, — продолжала Китти, — я буду его праздновать и была бы очень рада, если бы ты тоже пришёл. Начало в три часа! Пока! До трёх!

Китти Рузика побежала вниз по улице. Возможно, она так спешила, потому что должна была успеть до трёх сделать кучу дел. Конрад с родителями не торопясь пошли следом.

— Я — против, — сказал господин Эгон. — Она дурно воспитанный ребёнок!

– Не болтай глупостей! – вспыхнула госпожа Бартолотти. – Она абсолютно нормальный ребёнок. И к тому же хорошенькая!

– Тебе очень хотелось бы туда пойти? – спросил господин Эгон.

Конрад задумался. Потом сказал, что сам этого не знает. Но Китти Рузика ему очень даже симпатична. А кроме того, для него было бы наверняка полезно пойти к Китти, чтобы ещё побольше набраться «детскости».

Господин Эгон вздохнул. Во-первых, он не хотел ничего запрещать Конраду, а во-вторых, боялся за больную ногу, так как свирепый взгляд госпожи Бартолотти не обещал ничего хорошего. И она сказала своё слово:

– Конрад, тут дело очень простое: если ты сегодня пойдёшь к Китти, тогда ты мой сын, а если вечером будешь тихо лежать в кроватке, тогда ты его сын!

– Ясно, мама, – сказал Конрад.

Тем не менее господин Эгон не отступал. Когда они подошли к воротам дома, он заявил, что Конрада сегодня непременно надо сводить в венский парк Пра-тер – покататься на чёртовом колесе.

– Эгон, иди к себе в аптеку! – воскликнула госпожа Бартолотти, дрожа от гнева.

Эгону в аптеку не хотелось. Ведь сейчас был обеденный перерыв. Аптека снова откроется лишь в два.

Оставался ещё целый час, который господин Эгон намеревался провести в квартире госпожи Бартолотти. Но госпожа Бартолотти оказала ему решительное сопротивление.

— У нас дела! — рявкнула она. — Нам нужно побеспокоиться о подарке ко дню рождения! — наседала она. — К тому же у нас нет для тебя обеда, и мы хотим остаться одни, неужели не понятно?!

— До свидания! — бросил Эгон и грустно направился в сторону аптеки.

Конрад посмотрел ему вслед. Его лицо также погрузнело.

— Мне папу жалко, — сказал Конрад тихо.

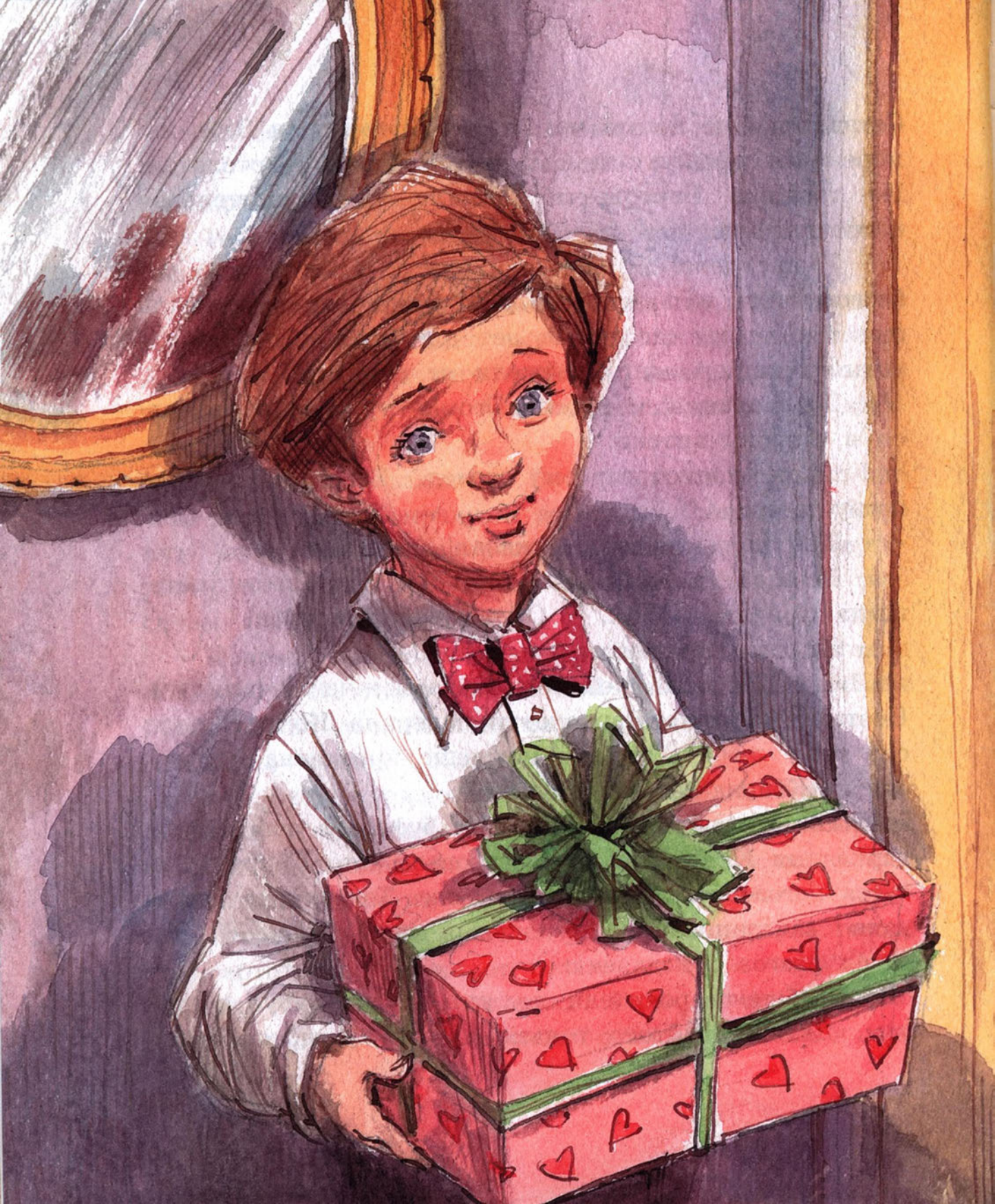
— Нечего его жалеть! — Госпожа Бартолотти потащила Конрада в дом. — Он старый придурок!

— Он мой отец, и я его люблю!

Лицо Конрада сделалось невозможно печальным. Поэтому госпожа Бартолотти заверила Конрада, что она тоже любит Эгона и искренне привязана к нему, отчего Конрад явно повеселел.

После обеда, роясь в столовом буфете в поисках подарка для Китти, она почувствовала, что Конраду хочется поговорить о господине Эгоне. Только она нашла давно заказанный ею кукольный сервиз, как Конрад завёл разговор издалека:

— Вообще-то родители должны ладить друг с другом. Детям от этого только лучше. И потом, если

родители ссорятся, то виноваты чаще всего обе стороны.

Сделав паузу, он добавил:

– Люди же все разные, и надо быть к другим доброжелательным, принимать их такими, какие они есть.

Госпожа Бартолотти мыла кукольный сервиз, бормоча:

– Да-да, так-так.

А сама думала: «Слова больше про Эгона не скажу! А не то потеряю контроль, начну его ругать, и Конрад опять расстроится».

Она также решила впредь не говорить Эгону ничего плохого в присутствии Конрада и на ногу ему наступать лишь тогда, когда Конрад наверняка этого не видит.

Без пяти минут три Конрад стоял в передней, у двери, готовый к выходу. Он был трижды вымыт, дважды причёсан, туфли его блестели. В руках он держал обувную коробку, завернутую в тончайшую розовую бумагу и украшенную сверху зелёным бантом из дюжины петель. Розовую бумагу госпожа Бартолотти сплошь изрисовала крошечными красными сердечками. В коробке лежал кукольный сервиз.

– Ну, Конрад, – изрекла госпожа Бартолотти, – пора, можешь идти!

– До трёх ещё чуточку осталось, – нерешительно ответил он.

– Несколько минут роли не играют, – успокоила его госпожа Бартолотти.

Конрад всё ещё медлил. Снаружи, с лестничной клетки, доносились шаги и смех. Детский смех.

– Другие, кого пригласили на день рождения, уже подходят, – улыбнулась госпожа Бартолотти.

Конрад кивнул, но с места не сдвинулся. Потом он сказал:

– Флориана тоже пригласили.

– Это хороший мальчик?

– Это он кричал мне вслед: «Бартолотти-идиотти!» Такой высокий, здоровый.

– Он наверняка просто шутил.

Госпожа Бартолотти улыбнулась, чтобы казаться убедительнее. И чтобы он не сильно огорчился.

– Ты правда так думаешь? – спросил Конрад, очень серьёзно глядя на госпожу Бартолотти.

Она улыбаться перестала и грустно покачала головой.

– Зачем же тогда говорить, если ты так совсем не думаешь?

– Не хотела тебя огорчать!

– Неужели я могу не огорчаться, – сказал Конрад, – зная, что ты говоришь мне неправду!

И он спросил, почему на свете есть дети, которые без всякого повода готовы насмехаться над другими детьми.

– Мне этого на фабрике не объясняли, – добавил Конрад. – Объясни ты!

Госпожа Бартолотти объяснить этого не могла, во всяком случае сразу. Она обещала Конраду подумать и после дня рождения сообщить ему.

– Честное слово, – сказала госпожа Бартолотти, – я хорошенько подумаю.

– И без всякого обмана? – спросил Конрад.

– Честное слово, – ещё раз пообещала госпожа Бартолотти.

– Ну, тогда я пошёл, – неуверенно сказал Конрад.

Госпожа Бартолотти открыла ему дверь. Она смотрела, как он спускается по лестнице и крикнула ему вслед:

– А если Флориан, этот паршивец, только посмеет тебя дразнить, врежь ему как следует!

Конрад встал как вкопанный.

– Врезать? – спросил он. – Как это?

Госпожа Бартолотти высунулась из двери и прокричала:

– Ну, то есть – вмажь ему! Взгрей по полной, вздуй от всей души, вломи по тыкве, чтоб у него звёзды из глаз посыпались! Понял, сынок?

Конрад покачал головой.

– Этому, – сказал он, – меня тоже не учили!

Мальчик пошёл по лестнице вниз. Госпожа Бартолотти его уже не видела, но слышала, как он позво-

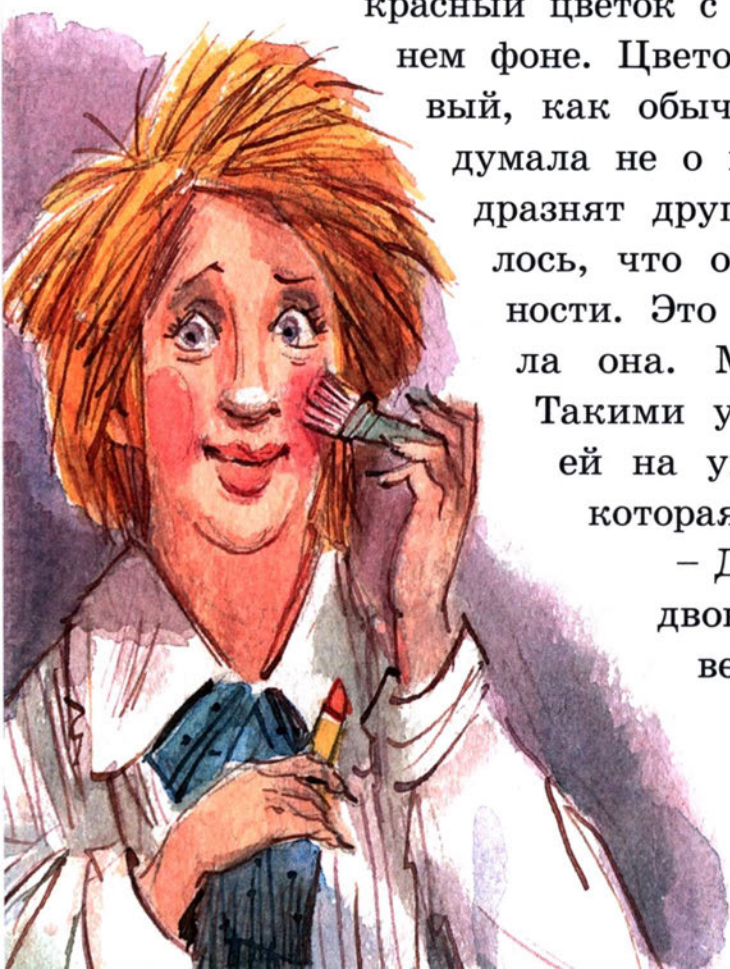
нил в дверь семейства Рузика, и сразу же раздался голос Китти. Китти воскликнула:

– Привет, Конрад, молодец, что пришёл! Проходи! Ух ты, ничего себе свёрточек, точно будет мой самый лучший подарок на день рождения!

После этого госпожа Бартолотти услышала, как хлопнула дверь. Она тоже закрыла входную дверь, пошла в ванную и заново раскрасила себе лицо. Нанесла много синего на веки, много красного на рот и много розового на щёки.

Затем она пошла в свой кабинет, уселась за ткацкий станок и принялась плести ковёр. Она сплела красный цветок с розовыми крапинками на синем фоне. Цветок получился не такой красивый, как обычно, ведь госпожа Бартолотти думала не о цветке, а о ребятах, которые дразнят других ребят. Сперва ей показалось, что объяснение лежит на поверхности. Это просто злые ребята, подумала она. Маленькие подлые вредины! Такими уж они уродились! Но потом ей на ум пришли слова её матери, которая частенько говаривала:

– Деточка, бери пример с твоей двоюродной сестры Луизы. Она ведёт себя несравненно лучше, чем ты!

Девочке Берте слышать это было очень неприятно, и при встрече со своей кузиной Луизой она высовывала язык и дразнилась: «Бе-бе-бе!»

Госпожа Бартолотти вспомнила также, что в своё время всегда кричала вслед маленькому Гансу, соседскому сыну: «Гансик надул в штаны! Снова надул в штаны!»

«Зачем я так поступала?» — размышляла госпожа Бартолотти. Я определённо не была злым или подлым ребёнком. Наверное, я тогда очень гордилась тем, что сама больше этого не делала! Госпожа Бартолотти тяжело вздохнула, поняв, что история с дразнилками вовсе не такая простая, и будет крайне сложно всё это Конраду правильно объяснить.

В это время Конрад сидел в детской комнате Китти Рузики за праздничным столом. На нём были какао, фруктовый торт, сосиски и яблочный сок. Над праздничным столом висел полосатый абажур.

Кроме Конрада и Китти за столом сидело ещё четверо ребят: Флориан, Антон, Гитти и Михи. Флориан и Гитти ходили уже в третий класс. В 3 «А». Антон и Михи — вместе с Китти — учились во втором клас-

се. Флориан был на целую голову выше Конрада. Он сидел рядом. Пока ещё он ни разу не сказал ему: «Бартолотти-идиотти!» Он вообще пока ничего не сказал ему. Конрад этому очень радовался. Гитти и Михи очень мило общались с ним. Только проявляли чрезмерное любопытство, доставая его вопросами: почему он лишь сейчас переехал к своей матери и отчего аптекарь, его отец, не женат на госпоже Бартолотти? Конрад не знал, что ему отвечать. Спасибо Китти, которая то и дело резко прерывала назойливые расспросы:

– Да оставьте вы его в покое!

Антон с Конрадом обходился не очень приветливо. Корчил ему рожи и пинал под столом ногой. Антон любил Китти. Антон ревновал её. Конрад этого, естественно, не знал. Конрад вообще ничего не знал о ревности.

Кончилось тем, что Антон, потянувшись за куском торта, задел локтем чашку с какао Конрада. Чашка опрокинулась, какао потекло по розовой скатерти к краю стола и закапало вниз на белый ковёр.

– Мама, мама! Скорей! Какао! – закричала испуганно Китти, так как мама души не чаяла в этом белом ковре.

Она им гордилась больше всего на свете.

Госпожа Рузика примчалась в детскую с мокрой тряпкой. Она мокала тряпку в пятно с какао, подтирая его со всех сторон, и жалобно причитала:

— Не могли быть повнимательнее? Вы ведь уже далеко не младенцы!

Удалить пятно какао не удавалось.

— Это не я, это не я! — вопил Антон. — Это он! Это он! — Антон показал на Конрада.

— Какая подлость! — возмутилась Китти. — Антон врёт!

— Ну-ка не ссорьтесь! — сопела от напряжения госпожа Рузика.

Она тщательно промокала пятно, а потом ещё рьяно оттирала его.

Постепенно взгляд её потеплел — пятно какао стало светлее, и она сказала:

— Отправляйтесь-ка в гостиную. Пятну надо подсохнуть. А вам там просторнее будет. Сможете побегать наперегонки в мешках или с яйцами на ложке или поиграть в прятки. Только возьмите крутые яйца. Они лежат на кухонном столе.

Ребята пошли в гостиную. Они сдвинули обеденный стол и стулья в угол. У них образовалось много места для бега в мешках, а также с крутыми яйцами и с водой. Хотя Конрад прежде никогда в эти игры не играл, он оказался очень ловким. Он первым доскакал в мешке до спальни комнаты и был единственным, кто донёс крутое яйцо в поварёшке до кухонной двери. Он также оказался единственным, кто сумел донести полный стакан с водой до ванной, не расплескав ни капли.

У Флориана яйцо выпало из поварёшки сразу после старта, а пока он добежал до ванной, он расплескал полстакана, а в мешке до спальни он доскакал вообще последним. Из-за этого он жутко разозлился и принялся орать: «Бартолотти-идиотти!» Антон подхватил: «Бартолотти-бегемотти!»

– Если вы сейчас же не перестанете, – заявила Китти, – я вас обоих выставлю за дверь!

Антон с Флорианом перестали, но смотрели на Конрада исподлобья.

Китти подарили на день рождения игру «Викторина» вместе с правилами. Антон и Флориан прочитали вопросы.

– Тупые вопросы! – бросил Флориан.

– Тупая игра! – отрезал Антон.

– Мы в такое играть не будем! – заявили оба.

Просто они не знали ответы на вопросы. Конрад, посмотрев вопросы, сказал, что они вовсе не тупые. Тут Флориан и Антон перемигнулись, постучали себе по лбу и посмеялись над Конрадом. Конрад хотел им объяснить вопросы.

– Вот, например, вопрос: столица Польши? Это Варшава. А «падающая» башня стоит в Пизе, а корень из ста сорока четырёх – двенадцать!

– Бэ-э-э, б-э-э! – проблеял Антон. – Ты просто хвастун!

– Бред это всё! – хмыкнул Флориан. – Ничего-то он не знает, хвастун он, и больше никто! – и врезал Конраду под дых.

– Дай ему сдачи! – шепнула Гитти Конраду.

Но тот лишь покачал головой.

– Он трус. Всего боится, бэ-э-э! – дразнил Флориан. – Ты трус, трус!

– Да врежь ему наконец! – снова прошептала Гитти.

Увидев, что Конрад и после этого не ударил в ответ, она повернулась к Михи и процедила сквозь зубы:

– Видишь, он и вправду трус, позволяет себя обижать, а сам ничего не делает.

Михи была лучшей подругой Гитти. Михи всегда соглашалась с Гитти. И на сей раз Михи сказала:

– Да, он и впрямь трус, всё готов проглотить!

– Нам с ним противно! – заявили Гитти и Михи.

Они пересели вместе с Флорианом и Антоном за большой обеденный стол и стали собирать пазлы.

– Хочешь, вместе с моей куклой поиграем? – спросила Китти Конрада.

– С удовольствием, только покажи как, – ответил Конрад. – Я умею играть в железную дорогу, кости и ещё рассматривать книжки.

Китти принесла новую белокурую куклу вместе с детской коляской и сервизом. Она очистила угол в гостиной, завезла туда коляску, расставила игрушеч-

ный сервиз на маленьком столике и стала делать вид, будто разливает кофе в чашки из кофейника.

— Ты будешь папой, я мамой, а в коляске лежит наш ребёнок, понимаешь игру?

Конрад с ходу понял игру.

— Я — аптекарь Эгон, а ты госпожа Бартолотти!

Китти согласно кивнула.

Вскоре Конрад уже отлично играл в дочки-матери. Китти призналась, что никто, кого она знает, не умеет так здорово играть в дочки-матери. Вот только каждые несколько минут им мешал Антон. Он сидел вместе с другими ребятами за столом, ел орехи, а скорлупой кидался в Конрада и Китти. При каждом броске он кричал:

— За вечную вражду!

Конрад расстроено посмотрел на Китти:

— Ты тоже хочешь, чтоб я ему врезал разок?

— Только если тебе самому очень этого захочется, — ответила Китти, чем Конрада порадовала.

— Давай вот как сделаем, — предложила Китти, — представим, будто сейчас лето и будто мы с тобой за городом, а все ореховые скорлупки — мухи!

Конрад согласился.

И всякий раз, когда в них летела ореховая скорлупа, Конрад и Китти вскрикивали:

— Ах, снова муха летает! Просто какой-то невозможный мушиный год!

При этом оба они хихикали. Антона это до того взбесило, что он ушёл домой. На прощание он выкрикнул:

– За вечную вражду!

Имея в виду не только Конрада, но и Китти, которую решил больше не любить.

В шесть часов к ним в комнату пришла госпожа Рузика. Она включила телевизор и велела расходиться, так как день рождения закончился. Китти проводила гостей до двери. Михи и Гитти спросили на прощание:

– Скажи, Китти, что ты только нашла в этом трусе?

Флориан сказал:

– Скучно отметили. И виноват во всём один занудный молокосос.

Он снова двинул Конраду кулаком под дых. Теперь он был абсолютно уверен: Конрад сдачи не даст. Но он не принял в расчёт Китти.

– С меня довольно! – выкрикнула Китти.

Она врезала ему одним кулаком под дых, другим треснула по башке, да ещё пнула ногой по лодыжке. Флориан с воплем вылетел из квартиры. Он ревел:

– Никогда больше сюда не приду! Ты ещё за это ответишь! Ещё как ответишь!

А Гитти сказала:

– Ну и дела! Теперь она даже дерётся из-за своего труса!

А Миши сказала:

— Кажется, это её новая любовь!

После чего обе удалились.

Китти поднялась с Конрадом на второй этаж, до самой двери в квартиру госпожи Бартолотти.

— Девочка сказала, что я твоя новая любовь, — произнёс Конрад тихо.

— Так и есть, — тихо ответила Китти.

— Правда?

— Правда! — Китти серьёзно кивнула.

Помедлив, Конрад спросил:

— Китти, ты это говоришь, чтоб меня не огорчать?

— Ничутьточки! — Китти рассмеялась. — Правда, ты мне нравишься, очень нравишься. Гораздо больше, чем все остальные!

— Это хорошо, — тихо сказал Конрад.

— И завтра утром мы вместе пойдём в школу, — сказала Китти. — И домой тоже вместе пойдём! А после обеда сходим в парк. И горе тому, кто попытается тебя обидеть, он будет иметь дело со мной. Они побоятся, ведь я очень сильная.

– Спасибо, – сказал Конрад.

Он позвонил в дверь. Китти побежала к себе на первый этаж. Снизу она ещё раз помахала ему.

– Хорошо всё прошло? – спросила госпожа Бартолотти, открыв дверь.

– Многое нехорошо, – ответил Конрад, – зато многое просто изумительно!

– Так оно и в жизни часто бывает, сынок, – сказала госпожа Бартолотти, и они сразу же пошли на кухню.

Сегодня на ужин был тунец, булка с изюмом, лакричные палочки и солёные кренделя. Госпожа Бартолотти в который уже раз забыла вовремя закупиться.

Накладывая тунец на булку с изюмом, Конрад спросил:

– Это правильно, если семилетняя девочка защищает семилетнего мальчика? Разве не должно быть наоборот?

Госпожа Бартолотти посасывала лакричную палочку.

– Совершенно никакой роли не играет! – сказала она, облизывая губы. – Главное, защищают того, кто в этом нуждается!

– Тебе не кажется, – не отставал Конрад, – что кому-то это может показаться смешным?

Госпожа Бартолотти вынула лакричную палочку из рта, мокнула в тунцовый соус, облизала её и произнесла:

– Послушай, Конрад! Заруби себе на носу. Потому как это важнее очень многих вещей. Не стоит переживать по поводу того, что думают другие!

Госпожа Бартолотти ещё раз окунула лакричную палочку в тунцовый соус, задумчиво покрутила её в нём и продолжала:

– Если всё время думать, что делают другие, и потом всё время делать, что другие делают, то под конец станешь таким, как все остальные, и тогда сам себе будешь невыносим.

Госпожа Бартолотти перестала помешивать палочкой в соусе, внимательно взглянула на Конрада и коротко спросила:

– Понятно?

– К сожалению, нет, – сказал Конрад и откусил от изюмной булки с тунцом. – Но Китти любит меня!

– Вот тебе на! Молодец! – воскликнула госпожа Бартолотти радостно. – За это нам надо бы выпить!

– Ты что, мама?! – укоризненно посмотрел на неё Конрад.

– Пардон, – пробормотала госпожа Бартолотти, – я имела в виду: мне надо выпить!

Она вынула из шкафа бутылку и налила себе двойного виски.

– Твоё здоровье, сын мой! – произнесла госпожа Бартолотти и одним махом опрокинула рюмку.

В тот момент, когда госпожа Бартолотти поставила пустую рюмку на кухонный стол, в дверь позвонили. Звонок был коротко-длинно-нежный.

– Кто сейчас может прийти? – спросил Конрад.

Госпожа Бартолотти медленно встала и двинулась к входной двери.

– Коротко-длинно-нежно, мой сын, – вздохнула она, – так звонит всегда аптечный Эгон!

Аптечный Эгон прошёл в кухню вслед за госпожой Бартолотти. В руке он держал огромную пластиковую сумку. Он поставил её рядом с кухонной дверью, окинул взглядом остатки еды на столе и брезгливо скривил лицо.

– Может, тебя что-нибудь не устраивает? – поинтересовалась госпожа Бартолотти.

Господин Эгон поднял правый указательный палец, покачал им у госпожи Бартолотти перед носом и громко сказал:

– Белки, животные белки – вот что нужно семилетнему мальчику, а не лакричные палочки! А ещё семилетнему мальчику нужны витамины А, В, С и D!

– Завтра получит! – огрызнулась госпожа Бартолотти, смахнув рукой качающийся перед носом палец.

– Получит сегодня! – твёрдо сказал господин Эгон, поднял с пола пластиковую сумку и достал из неё упаковку хрустящих хлебцев, яблоко и кусок сыра. – Вот, сынок, – улыбнулся он, – это подходящий ужин для мальчика.

– Большое спасибо, – пробормотал Конрад не слишком радостно. Ведь он уже набил себе живот четырьмя большими булками с изюмом, вместе с тунцом и тремя лакричными палочками.

– Так он уже поужинал, – заметила госпожа Бартолотти.

– Это был не ужин, деточка, а форменное издевательство над желудком.

Господин Эгон подвинул сыр и хлеб к Конраду.

– Здесь кое-что должно измениться, деточка! – заключил он.

Госпожа Бартолотти грозно взглянула на него:

– Что, прошу прощения, должно измениться?

Господин Эгон смёл ладонью всевозможную мелочь с кухонной табуретки – шпильки для волос, столовые ложки, яичную скорлупу, пару стручков лука, маникюрные ножницы – и уселся. По нему было видно, что он изготавился к длинной речи. А ещё по нему было видно, что он слегка побаивался сообщить госпоже Бартолотти об изменениях.

– Ну так что же должно измениться? – повторила госпожа Бартолотти и бросила на него ещё более грозный взгляд.

Аптечный Эгон нервно заморгал глазами, потёр руки и выдавил:

– Деточка, ты очень славная и хорошая, но и очень неприспособленная для того, чтобы воспитывать ребёнка с такими достоинствами, как у Конрада! Посему я решил воспитать его сам!

Госпожа Бартолотти рассмеялась. Смех её был не дружеский, а очень даже недобрый. И потом из неё посыпалось:

– Вот как ты, значит, решил. Очень мило, прекрасно! Тогда отправляйся со своими решениями к императрице Марии Терезии. Сам заведи себе ребёнка или закажи! Вот когда у тебя будет собственный ребёнок, тогда можешь делать с несчастным что угодно! По мне, так бери его воспитание в обе руки! Но моего Конрада оставь в покое! Ты – пустая аптекарская склянка! Желчегонная микстура! Липкая мазилка! Тычинка с пестиком!

Господин Эгон хоть и вздрагивал всеми ресницами, но продолжал сидеть на табуретке и даже заявил:

– Деточка, можешь сколько угодно меня оскорблять, я не дрогну и не отступлюсь, когда речь идёт о моём сыне.

Госпожа Бартолотти вскочила как ужаленная, побежала к кухонному серванту, достала из него синий конверт, трясущимися пальцами переворошила его содержимое и вытащила документы Конрада.

– Вот, вот! – вскричала она. – Прочти-ка, что тут написано! Может, тут написано «Аптекарь Эгон»? Нет! «Аугуст Бартолотти». Вот что тут написано! Его отца зовут Аугуст Бартолотти!

На господина Эгона это не произвело никакого впечатления. Он сказал, что Конрад сам, по собственной воле, выбрал его отцом, и он этот выбор принял. Кроме того, господин Аугуст Бартолотти уже многие годы находится у чёрта на куличках и как отец никоим образом отношения не имеет. А ко всему прочему, сама госпожа Бартолотти признала его отцом, потребовав от него алименты.

– Кто платит алименты, тот и отец! – заключил господин Эгон.

Госпожа Бартолотти с удовольствием продолжала бы обзывать господина Эгона. Она даже хотела вышвырнуть его из квартиры. Просто-напросто подхватить под мышки, выволочь через кухню и переднюю и выставить за дверь. Но она этого не успела сделать, так как господин Эгон снова нагнулся к большому мешку и начал доставать оттуда пенал, тетрадки, цветные ручки, фломастеры и красную полотняную школьную сумку.

– Ой как здорово, ой какая прелесть! – воскликнул Конрад. Он восхищённо рассматривал школьную сумку. Потом отвинтил колпачок авторучки и вписал в белые прямоугольнички тетрадок свои имя и фамилию: Конрад Бартолотти.

– А может быть, – спросил господин Эгон злорад-но, – твоя хорошая мама уже купила тебе школьные принадлежности? Хорошая мама таких вещей не забывает!

– Да, я пока ещё ничего не купила, – сказала госпожа Бартолотти и сделалась пунцовой от стыда. Чем больше она стыдилась, тем больше распалялась. – Подумаешь, какие-то идиотские школьные принадлежности! – кричала она. – Будто нет ничего важнее этих дурацких тетрадок, тупых карандашей и красных сумок!

– Мама, – сказал Конрад, придя в ужас, – зачем ты такое говоришь?!

Его глаза наполнились слезами.

– Я хочу, чтобы Конрад переехал ко мне, – сказал господин Эгон. – У меня ответственности больше, да и денег больше, чем у тебя. Я найму для него первоклассную воспитательницу и отправлю его в первоклассную частную школу, где он сможет первоклассно...

– Ты первоклассный болван! – прервала его госпожа Бартолотти.

Теперь уже Конрад по-настоящему рыдал. Огромные слёзы катились по его щекам, капая на бутерброд с сыром. Господин Эгон достал из кармана пиджака свежий носовой платок, прочистил Конраду нос, вытер ему слёзы на щеках, потрепал за подбородок и произнёс:

— Лишний раз видно, насколько ты не годишься для воспитания ребёнка!

Затем он спросил Конрада:

— Ну, сынок, ты согласен в будущем жить у меня?

Конрад сидел тихо как мышь, уставясь в стол. Господин Эгон ждал. Он нервно подёргивал веками, все его семь поперечных морщин на лбу также подёргивались в такт векам.

— Я не знаю, как будет правильно, — еле слышно произнёс Конрад. — Ведь на фабрике никто не мог предположить таких семейных обстоятельств.

— Сынок! — Госпожа Бартолотти набрала полные лёгкие воздуха и пыталась говорить медленно и спокойно, что ей удалось. — Сынок, тогда прислушайся к себе! Ты же не можешь не чувствовать, кто тебе ближе!

Конечно, Конрад чувствовал многое. Он чувствовал, что любит госпожу Бартолотти и что господина Эгона любит тоже. Он чувствовал, как ему тяжело, когда они ссорятся. И ещё он чувствовал: ему вовсе не хотелось выбирать между госпожой Бартолотти и господином Эгоном.

Госпожа Бартолотти достала сумочку, порылась в ней в поисках сигарной коробки. Она вытащила самую длинную и толстую сигару. Ей сейчас позарез нужна была сигара. Она закурила сигару и подумала: «Как же мне склонить Конрада, чтобы он выбрал меня?»

Госпожа Бартолотти сделала три глубокие затяжки, а господин Эгон в это время отгонял насквозь мокрым от слёз носовым платком сигарный дым от лица Конрада.

– Ты отравляешь воздух, – буркнул он, – у меня Конрад будет дышать чистым воздухом, не загаженным никотином.

Госпожа Бартолотти сделала ещё два раза по три затяжки, после чего она поняла, как ей Конрада склонить к решению в свою пользу.

– Эгон, – начала она вкрадчиво, – тебе нравится Китти Рузика?

– Она чудовищно невоспитанная девочка! – воскликнул господин Эгон. – На днях в аптеке она то и дело забиралась на весы, потом спрыгивала с них да ещё постоянно показывала мне язык! Надо проследить, чтобы она держалась подальше от Конрада!

– А если она захочет с ним подружиться? – ещё более вкрадчиво спросила госпожа Бартолотти.

– Уж я найду, как этому воспрепятствовать! – нервно бросил господин Эгон.

Пока господин Эгон говорил, лицо у Конрада сделалось очень бледным. Просто ужас каким бледным.

– Тебе плохо, мой мальчик? – забеспокоился господин Эгон. Он предположил, что Конрада мутит от смеси лакричных палочек с тунцом.

– Мне не плохо, – сказал Конрад, – но, кажется, я хочу остаться у мамы.

Госпожа Бартолотти с облегчением выдохнула.

Господин Эгон заметно погрузтел.

– Ты меня больше не любишь? – спросил он.

– Очень даже люблю, дорогой папа, – заверил Конрад, – очень люблю, по-настоящему люблю. И всегда буду рад видеть тебя у нас, уж поверь мне.

Господин Эгон поверил Конраду, но остался недоволен, даже слегка обижен, и вскоре ушёл домой.

Вот уже почти целый месяц Конрад жил у госпожи Бартолотти. Ежедневно, кроме выходных, Китти ожидала его без четверти восемь утра у перил на первом этаже, и они вместе шли в школу. И почти каждое утро на углу стоял Антон, поджидая их. Он шёл за ними и гундел: «Вражда! Вечная вражда!»

А на углу большой улицы дежурил Флориан. Он ругался:

– Замухрышка, поганка, сморчок, трус, кретино, дегенерато, свин, осёл, вонючка, козёл, Бартолотти из болотти!

Однако Флориан и Антон держались на расстоянии. И ореховой скорлупой или косточками они тоже не швырялись. Побайвались Китти.

Она же охраняла Конрада по дороге домой, если они возвращались в одно время. Но Китти училась классом ниже и трижды в неделю заканчивала занятия на час раньше Конрада. Конечно же Китти ничего не стоило часик подождать его в гардеробе или на школьном дворе. Два раза она так и делала, но госпожа Рузика озверела и закатила дикий скандал.

— Ты должна являться домой самое позднее через пятнадцать минут после уроков! — орала госпожа Рузика. — И ни минутой позже, иначе тебе достанется по первое число!

Госпожа Рузика сказала также, что это просто курам на смех: маленькая девочка защищает мальчика!!!

— Я-то против него ничего не имею, — сказала она, — Конрад хорошо воспитанный, приличный, умный мальчик. Он даже знает все отгадки в викторине и всегда первым вежливо здоровается. Но пусть уж будет любезен сам за себя постоять! — И ещё она добавила: — Я вообще диву даюсь, откуда у столь странной женщины такой благовоспитанный ребёнок. Вообще хотелось бы знать, откуда вдруг у неё такой ребёнок взялся.

Китти знала, откуда он взялся. Он сам ей об этом рассказал, и она поклялась никому ничего не говорить. Поэтому и матери не сказала ни словечка.

По понедельникам, средам и пятницам Конрад добирался из школы до дома один. «Один», впрочем,

не совсем точно сказано. Половина 3 «А» класса шла за ним по пятам. В отсутствие Китти Флориан ничего не боялся. Он швырял в Конрада гравием, ставил ему подножки и бил кулаком в живот. Или давал пинка под зад.

Остальные дети ничего против этого не имели. Они Конрада просто терпеть не могли! Учительница госпожа Штайнц на каждом уроке не уставала повторять детям:

– Берите пример с Конрада!

Это одноклассникам не нравилось. А когда ребята не понимали какое-то арифметическое действие, то госпожа Штайнц обязательно приговаривала:

– Конраду тут наверняка всё ясно.

И Конраду действительно всё было ясно. Это ребятам совсем уж не нравилось. Кроме того, Конрад знал, как пишется каждое слово, у него был великолепный почерк, при чтении вслух он делал правильные смысловые ударения, он смирно сидел за партой, не болтал, никогда не ел во время занятий, никогда не жевал резинку и уж конечно никогда не вытягивал изо рта длинные резиновые тянучки. Он постоянно смотрел на госпожу Штайнц и внимал ей благоговейно.

Всё это, разумеется, страшно действовало его одноклассникам на нервы. Будь он хотя бы плохим гимнастом, что частенько случается с образцовыми учениками.

Так нет же! Он один из всего класса мог в мгновение ока вскарабкаться по канату вверх до самого потолка спортзала. А голос у него был такой, что госпожа учительница Штайнц изрекла:

— Поёт — чисто ангел, как хрустальный колокольчик, его пение душу греет.

Ко всему Конрад умел классно рисовать машины. Сразу было видно: это «Рено-16» или «Рено-17».

— Только такого образцово-показательного мальчика нам тут не хватало, — говорили ребята из 3 «А». — Такой выскочка проклятый нам даром не нужен! — говорили они.

А Конрад из-за неведения и неопытности действительно наделал кучу ошибок в общении с совершенно обычными детьми.

Уже на второй день, на третьем уроке, был тест по арифметике. Фреди, сосед Конрада по парте, тихо спросил:

— Двенадцать умножить на двенадцать, отнять семнадцать и прибавить тридцать шесть, сколько получится?

Но Конрад ему не ответил, поскольку перед этим учительница госпожа Штайнц строго предупредила:

— Чтобы мне во время теста — ни звука!

А когда Фреди, который совсем не ладил с арифметикой, ещё три раза тихонько взывал к Конраду, тот отвечал:

— Мне кажется, подсказывать решение запрещено.

Фреди разозлился и с тех пор возненавидел Конрада не меньше, чем Флориан.

На другой день Аннелиза стукнула линейкой по оконному стеклу, и оно дало трещину. Госпожа учительница в это время на минутку вышла из класса, а когда она вернулась и увидела трещину на оконном стекле, ей захотелось непременно узнать, кто это натворил. Никто не сознавался. Аннелиза рылась в школьном портфеле и делала вид, что она тут вообще ни при чём. Госпожа Штайнц спросила нескольких ребят:

— Кто это сделал?

Все, кого она спрашивала, делали вид, будто ничего не знают. Тогда госпожа Штайнц обратилась к Конраду:

— Конрад, ты видел, кто это сделал? Конрад, если ты видел, то должен мне сказать, это твой долг, Конрад!

Тогда Конрад сказал, что это Аннелиза.

— Фу-у! — загудел весь класс.

Зато госпожа Штайнц осталась очень довольна. И на пятый день учёбы госпожа учительница Штайнц назначила Конрада своим заместителем. Всякий раз, когда она на переменах должна была «сбегать в канцелярию» или к коллеге, Конраду надлежало садиться за учительский стол и следить

за классом: чтоб никто не приближался к открытым окнам, чтоб никто не выходил из класса, чтоб никто громко не разговаривал и не заводил ссоры с соседом по парте.

Поначалу ребята не воспринимали Конрада как заместителя всерьёз. Они подскакивали к открытому окну, устраивали перепалки, громко кричали и выбегали из класса. Но, увидев, что Конрад записывает всех нарушителей, и получив нагоняй от госпожи учительницы, они рассвирепели окончательно и презирали Конрада по полной.

Аптечный Эгон, посетивший госпожу Штайнц в день приёма родителей, был невероятно горд, узнав, что Конрад – «настоящее сокровище», ученик, «о котором можно лишь мечтать».

Госпожа Бартолотти даже не подозревала, что делал Конрад в школе и что другие ребята про него думали. Она не интересовалась школьными делами. Правда, спрашивала Конрада каждый день за обедом:

– Ну, какие новости сегодня?

Конрад неизменно отвечал:

— Спасибо, всё в порядке, госпожа учительница меня любит.

Госпожа Бартолотти всегда радовалась и больше не забивала себе голову его школьными проблемами.

Китти Рузика, конечно, знала, как Конрад ведёт себя в школе. Он ей сам рассказывал, и другие ребята тоже ей обо всём рассказывали.

— Знаешь, что этот гад сегодня снова сделал? — спрашивали ребята.

Во второй половине дня, когда Китти заходила к Конраду или Конрад к ней, она всегда говорила:

— Конрад, ну почему бы тебе не сказать Фреди, сколько будет двенадцать умножить на двенадцать, отнять семнадцать и прибавить тридцать шесть?

Или:

— Конрад, ну нельзя ябедничать на других!

Или:

— Конрад, не надо записывать ребят, которые выходят из класса!

Однако Конрад упрямо мотал головой и отвечал:

— Китти, мне это самому не нравится, честно. Но они нарушают правила поведения, и мой долг сообщать об этом. Так сказала мне госпожа учительница. А раз это мой долг, я должен это делать!

Китти пыталась объяснить Конраду, что другие ребята никогда не станут к нему хорошо относиться, если он будет продолжать в том же духе. Она уговаривала его

как малое дитя, но Конрад в ответ лишь грустно улыбался.

— Пойми, Китти, — объяснял он, — меня таким сделали. В отделе выпуска готовой продукции меня так настроили! Ну не могу я по-другому!

— А ты попробуй хоть разочек, ради меня, — попросила Китти, ей ведь тоже было нелегко иметь друга, которого никто терпеть не мог.

Ради Китти он сделал попытку. На уроке физкультуры ребята хотели повисеть на кольцах. А госпожа учительница хотела, чтобы они ходили, балансируя, по бревну.

— Хоп-хоп! — подгоняла их госпожа учительница, но ребята перешёптывались:

— Давайте откажемся, не будем ходить по этому дурацкому бревну!

Они сели на пол, скрестили ноги и замерли. Конрад тоже сел на пол и скрестил ноги.

— Хоп-хоп, живо, живо! — выкрикивала госпожа Штайнц.

Ребята не двигались с места. И Конрад не двигался с места. Он думал: «Китти этого хотела! И ребята этого хотели!» Но тут госпожа учительница посмотрела на Конрада. Она строго посмотрела ему в глаза и произнесла:

— Конрад, ты как себя ведёшь? От тебя, Конрад, я такого не ожидала!

Конрад и вправду хотел сидеть и не двигаться. Но не вышло. Словно кто-то схватил его и силком поставил на ноги, и он не мог этому противиться.

– Фу-у! – загудели остальные ребята.

Конрад стоял уже по стойке «смирно».

– Жалкий предатель! – шипели остальные ребята.

Конрад уже шёл, покачиваясь, по бревну.

– Молодец, Конрад! – хвалила госпожа учительница.

– Подлец... – шипели остальные ребята.

Остальным пришлось в качестве наказания десять минут бегать по кругу. Конрад эти десять минут просидел на коне. Ребята, пробежавшие мимо него, пыхтели и бросали злобные взгляды. А у Конрада на глазах выступили слёзы.

После уроков ребята сказали Китти:

– И тебе не стыдно дружить с таким мерзким типом?

– Он не мерзкий, правда, совсем не мерзкий! – защищала Конрада Китти. – Поверьте мне! – убеждала она.

Но, поскольку она не имела права объяснить им, откуда Конрад взялся и почему сделался таким, остальные ребята ей не верили. И Китти тоже вполне могла их понять. Китти думала про себя: «Если бы я познакомилась с Конрадом в школе, я бы его тоже невзлюбила».

Китти каждый день говорила Конраду:

– Конрад, ты должен измениться!

Как-то после обеда Китти сидела вместе с Конрадом и госпожой Бартолотти у них в гостиной. Китти принесла с собой «Викторину», а поскольку Китти и Конрад знали все ответы наизусть, они стали спрашивать госпожу Бартолотти. Та сидела в кресле-качалке и ела рольмопсы из большой стеклянной банки из-под солёных огурцов, мягко покачивалась туда-сюда, успевая между делом красить ногти на ногах в голубой цвет, и не знала ответа ни на один вопрос.

Китти хохотала до слёз после одного ответа госпожи Бартолотти:

– Падающая башня? Она, наверное, стоит в деревне Гнилые Колодцы, там всё рушится и падает.

Про арифметические корни госпожа Бартолотти вообще понятия не имела.

– У деревьев есть корни, у цветов есть корни, – громко рассуждала она, – а из корня горечавки делают настойку!

Она покрасила ещё один ноготь и громко ойкнула, так как намазала себе полпальца. Потом она сказала:

– А что, корень из ста сорока четырёх тоже имеется? И из него тоже настойку делают?

– Корень из четырёх – два, – объяснил ей Конрад, – а из девяти – три, а из шестнадцати – четыре!

– Тогда, выходит, двойка, тройка и четвёрка находятся под землёй! – весело воскликнула госпожа Бартолотти.

Конрад хотел объяснять про корни дальше. Но тут в дверь позвонили. Три раза и очень длинно. Это оказался почтальон. Он принёс заказное письмо. Конверт был большой, твёрдый и синий. Он выглядел точно так же, как конверт из Конрадовой консервной банки. Адрес отправителя на конверте отсутствовал.

Госпожа Бартолотти взглянула на письмо, взглянула на Конрада, потом снова на письмо.

– Кто ж это вам написал? – спросила Китти с любопытством.

Госпожа Бартолотти сунула письмо в карман халата, бормоча:

– Да это просто какая-то реклама!

– Но рекламу не разносят почтальоны и тем более её не отправляют заказным! – воскликнула Китти, а Конрад сказал:

– Мама, письмо ведь с фабрики, можешь при Китти спокойно об этом говорить. Она в курсе.

— Давайте же его откроем! — настаивала Китти.

Госпожа Бартолотти колебалась.

— А вдруг там что-нибудь неприятное? — предположила она.

Госпожа Бартолотти старалась неприятные вещи обходить за километр. Письма из финансового управления она вообще никогда не открывала.

— Забудем про письмо, — сказала она. — Давайте сожжём его, вроде как ничего и не получали!

— А вдруг там что-нибудь хорошее написано, — не отставала Китти. — Может, Конрад получил быстросорастворимое наследство или что-нибудь в этом духе!

Госпожа Бартолотти сунула руку в карман халата и ощупала конверт.

— Ребятки, — пробормотала она, — меня всю насквозь пробирает, ничего там хорошего нет, кончиками пальцев чувствую: письмо недоброе!

— Тогда его тем более надо вскрыть, — сказала Китти. — Вещи, которые знаешь, менее страшны, чем вещи, которых не знаешь.

Госпожа Бартолотти достала письмо и отдала его Китти.

— Читай сама, Китти, — буркнула она. — Мне боязно!

Китти Рузика вскрыла синий конверт, вынула из него сложенное синее письмо, развернула его и прочитала:

«Уважаемая госпожа Бартолотти!

При контроле нашего отдела доставки мы обнаружили, что произошла досадная ошибка. Из-за сбоя компьютера вам доставили семилетнего мальчика, который никоим образом вам не положен. Посему обращаемся к вам с убедительной просьбой – вернуть вышеупомянутого незамедлительно.

В изначально заполненном вами бланке заказа речь шла о двух экземплярах упражнений для поддержания памяти марки «Мемория», которые давно сняты с производства, вследствие чего и не могли быть доставлены.

Настоятельно просим, не откладывая, подготовить мальчика, а мы в самом скором времени отправим за ним нашу разъездную службу, чтобы передать его законным родителям.

Обращаем ваше внимание также на то, что растворимые дети в любом случае и пожизненно остаются собственностью фабрики и лишь сдаются родителям напрокат, как телефонные аппараты, – для воспитания и пользования.

Таким образом, всяческие возражения с вашей стороны совершенно бесполезны, а разбирательство судебным порядком абсолютно исключено.

Ещё раз примите наше глубокое сожаление и совершенное почтение...

Китти запнулась и перестала читать. Она поднесла лист ближе к глазам и сказала:

– Подпись неразборчива. Не то Гонберт, не то Монберт, понять невозможно!

– Да наплевать, кой леший там подписался... – сказала госпожа Бартолотти дрожащим голосом. Хотя на лице у неё было много розовой, красной и синей краски, оно разом позеленело. Кроме голоса у неё дрожали руки. Вдобавок ко всему она вдруг на глазах стала меньше и тоньше, чем обычно. – Значит, в ближайшее время, на днях... – прошептала она.

– Не станете же вы его в самом деле отдавать! – воскликнула Китти.

Госпожа Бартолотти вынула из кармана халата носовой платок, прочистила нос и сказала тихо:

– Если он всё-таки принадлежит кому-то другому, и если у меня вообще никаких прав нет, и если я и впрямь заказала упражнения для поддержания памяти! – Она снова высморкалась и продолжила: – К тому же я ещё готовлю плохо, и у меня слишком раскрашенное лицо, и даже Эгон говорит, что я плохая мать!

Конрад, сидевший до этого беззвучно и оцепенело, вдруг вскочил и громко, как никогда прежде, крикнул:

– Ты моя мама и ты хорошая мама!

– Ну вот, сами слышите! – подхватила Китти. – Он только вас хочет!

Госпожа Бартолотти ещё раз высморкалась и прочистила нос носовым платком. Потом заговорила, слегка всхлипывая:

— Ты ведь можешь попасть к матери, которая будет давать тебе витамины и петь настоящие детские песни. К такой, которая разбирается в арифметических корнях и у которой есть настоящий муж. Отец...

Конрад решительно мотнул головой.

— Я уже привык любить тебя и Эгона, и если меня куда-нибудь заберут, то я и Китти больше не увижу. — Конрад ещё решительнее мотнул головой. — Нет, я хочу остаться здесь, я это чувствую.

— Правда чувствуешь? — воскликнула госпожа Бартолотти.

Она вскочила с кресла-качалки и казалась уже во все не такой осунувшейся, маленькой, с зелёным лицом. Она высоко подняла Конрада и расцеловала его в обе щёки, в лоб, в шею и в уши. Она обцеловала его всего. Потом поставила Конрада на пол и произнесла:

— Ну а теперь мы должны придумать что-то такое, чтоб навсегда отвадить этих гнусных типов! Нам надо что-то предпринять!

— Напиши им вежливо: я, мол, хочу остаться здесь, — предложил Конрад.

— Не смейся! — ухмыльнулась Китти. — Те, кто пишут такие письма... — Она взяла синий лист бумаги

со стола и порвала его на четыре части. — Им плевать на твои чувства, Конрад!

— Она права! — сказала госпожа Бартолотти. — Тут надо придумать что-нибудь невероятно хитроумное!

Конрад выглядел мрачнее тучи.

— Если это запрещённое дело, то я не смогу в нём участвовать! Ты же знаешь, Китти, я просто не смогу!

— Запрещено, не запрещено! — воскликнула госпожа Бартолотти. — Мало ли что этой идиотской фабрике угодно! Нас это не касается!

— Вас — нет, — произнёс Конрад тихо. — А меня — да! Они меня так настроили!

Госпожа Бартолотти закурила толстую сигару. Она сделала три раза по три глубокие затяжки, выпустила в воздух три раза по два голубоватых дымных кольца.

— Это она думает, — сказал Конрад.

— Я уже всё придумала, сынок.

Госпожа Бартолотти резко поднялась с кресла-качалки, указала на дверь в спальню и приказала:

— Марш в спальню, Конрад! Мне надо поговорить с Китти.

— Но почему...

Госпожа Бартолотти перебила Конрада:

— Не спрашивай почему, слушай маму! Ты ведь учился быть послушным и покладистым. Нам надо кое-что обсудить, и это не предназначено для ушей

тех ребят, которые не могут делать ничего запретного.

Конрад ушёл в спальню и прикрыл за собой дверь.

Госпожа Бартолотти наклонилась к Китти и стала тихо рассказывать ей свой план.

Лицо Китти засияло, а когда госпожа Бартолотти закончила, Китти воскликнула:

– Ваш план очень хороший! Я вам помогу!

Примерно через час, после того как почтальон принёс письмо, Китти спустилась к маме на первый этаж и попросила:

– Мама, можно я помогу госпоже Бартолотти отнести большой ковёр в чистку? Пожалуйста!

Госпожа Рузика была против. Она собиралась пойти с Китти к фотографу – сделать фото Китти ко дню рождения тёти Эммы.

– К фотографу можно ведь и завтра сходить. Ну, пожалуйста! – взмолилась Китти. – Ковёр такой тяжёлый, бедная женщина одна надорвётся.

– А Конрад почему ей не помогает? – спросила госпожа Рузика. После чего она целую минуту не могла закрыть рот от изумления, так как Китти сказала:

– Конрад? Но, мама, он уже не живёт у госпожи Бартолотти!

– Да?! Это ещё почему?

– Ах, мама, я и сама не знаю, но, если я помогу ей нести ковёр, она мне это, возможно, расскажет.

Госпожа Рузика, как большинство людей, была любопытной. И к фотографу можно действительно пойти завтра. А бедной госпоже Бартолотти и впрямь надо бы помочь отнести ковёр в чистку.

— Ну ладно, иди, моя хорошая, — сказала госпожа Рузика, — но не расспрашивай о Конраде чересчур навязчиво, это не принято.

Когда Китти уже открыла дверь, госпожа Рузика вдруг вспомнила:

— Погоди, но сегодня утром он ещё был здесь; он же пошёл с тобой в школу.

— Ошибаешься, мама, — сказала Китти. — Я пошла с Антоном.

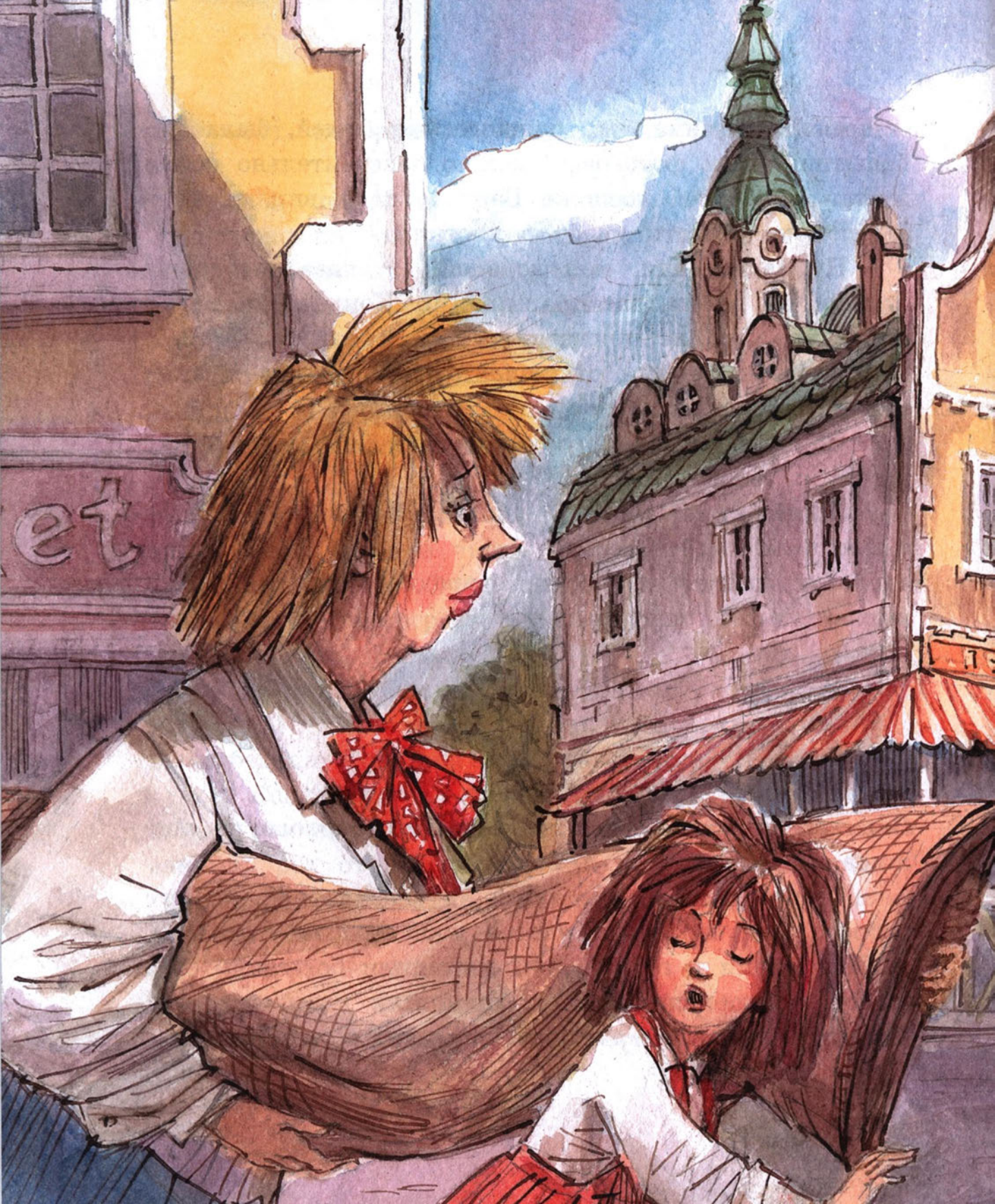
И, не дав маме задать очередной вопрос, Китти выскочила из квартиры.

Она взбежала по лестнице. Госпожа Бартолотти поджидала за дверью.

— Сейчас главное — в темпе, — сказала она. — Чего доброго, эти сволочи заявятся уже сегодня!

Они пошли в гостиную и вытащили большой ковёр из-под кресла-качалки. Они оттащили ковёр в спальную комнату. Там, на краю кровати, сидел Конрад.

– Можно мне теперь слушать? – спросил он.

– Тебе можно лечь на ковёр, – велела госпожа Бартолотти.

Конрад улёгся на ковёр. Госпожа Бартолотти закатала в него Конрада, обернув его трижды. После чего Китти с госпожой Бартолотти подняли ковёр: госпожа Бартолотти подхватила его с одного конца, а другой конец Китти положила себе на плечо.

– Воздуха там достаточно?! – крикнула Китти внутрь рулона.

– Да, хватает, – глухо раздалось изнутри.

– Тогда вперёд, – сказала Китти. – Только делайте маленькие шаги, пожалуйста, не то мы собьёмся, раскачаем ковёр, и Конраду станет плохо.

– Ол-райт! – сказала госпожа Бартолотти.

Они вышли из дома на улицу и зашагали в ногу в сторону химчистки ковров, одежды и кожи.

Госпожа Рузика стояла у окна и смотрела им вслед. Она подумала про себя: «Надо же, они и впрямь идут без Конрада!»

Затем она поспешила к соседке, госпоже Мерц. И рассказала ей:

– Представьте себе, Конрад этой старухи Бартолотти исчез, уже несколько дней как.

– Но ведь я его сегодня утром ещё...

– Это был Антон! – перебила госпожа Рузика.

Химчистка ковров, одежды и кожи находилась на углу, рядом с аптекой господина Эгона. Китти и госпожа Бартолотти прошествовали туда с ковёрным рулоном.

— Добрый день, — поздоровалась девушка, стоявшая за прилавком.

Госпожа Бартолотти спросила:

— Сколько стоит почистить такой ковёр?

Девушка взяла ковёр за краешек, проверила на ощупь шерстяные нити и основу.

— Двенадцать пятьдесят за квадратный метр, — ответила девушка.

— Слишком дорого! — выпалила Китти и подмигнула госпоже Бартолотти.

— Ну, извините за вторжение, — произнесла госпожа Бартолотти. А Китти она сказала:

— Пошли, детка, мы возвращаемся домой.

Они прошествовали через химчистку с ковровым рулоном, но вышли не через входную дверь, а через заднюю, которая вела в подъезд дома.

— Эй, куда вы?! — крикнула девушка.

— Мы в этом доме живём, на третьем этаже, — ответила Китти. — Нам тут ближе.

Девушка работала здесь всего три недели и жильцов дома ещё не знала. Поэтому она открыла им заднюю дверь и выпустила обеих с ковром в подъезд. А так как в это время зашла новая клиентка, девушка быстро захлопнула дверь и не видела, что госпожа Бартолотти и Китти вовсе не стали подниматься на третий этаж, а позвонили с чёрного хода в аптеку «Штурм».

Госпожа Бартолотти звонила не только очень громко, но и очень долго. Ведь господин Эгон находился там, в глубине, за стойкой, где продавал лекарства. Он слышал звонки с чёрного хода, но подумал: «Кто бы ни звонил, пусть соизволит заходить с главного входа!»

Лишь когда длинные и громкие звонки стали действовать ему на нервы, он сказал даме, которую как раз обслуживал:

— Одну минуточку, милостивая госпожа, кто-то звонит с чёрного хода!

И он побежал через первую заднюю комнату и вторую заднюю комнату в третью заднюю комнату к задней двери.

«Какая наглость, раззвонились тут!» — собирался он наброситься на звонивших, но до этого дело не дошло.

Едва он открыл дверь, как госпожа Бартолотти отпихнула его в сторону, протащила ковёр в третью заднюю комнату, за ней втиснулась Китти. Китти закрыла за собой дверь, а госпожа Бартолотти отшвырнула

картонные коробки и ящики с сухим питанием для младенцев, чтобы можно было развернуть ковёр.

– Что это значит?! – ужаснулся господин Эгон.

– Его надо спрятать, – сказала госпожа Бартолотти и принялась разворачивать ковёр.

– С какой стати я должен прятать твой ковёр из гостиной?

– Не ковёр! Конрада спрятать надо!

– А где же Конрад?

Госпожа Бартолотти вздохнула, поражённая крайней несообразительностью.

– В ковре, разумеется, бестолочь несчастная!

Наконец ковёр был полностью развёрнут. Конрад лежал на нём, довольно утомлённый и сильно запылённый: ковёр-то действительно срочно нуждался в чистке.

– Присядь, я объясню тебе всё, – заявила госпожа Бартолотти господину Эгону.

– Деточка, в аптеке куча народу! – воскликнул господин Эгон.

– Выстави их и запри дверь! – потребовала госпожа Бартолотти.

Но тут Китти возразила:

– Госпожа Бартолотти, это сразу бросится в глаза! Аптеку просто так не закрывают! Люди сразу же начнут спрашивать друг у друга, с чего это фармацевт закрыл аптеку?

«Хм, а эта Китти, — подумал господин Эгон, — вовсе не такая дурочка, как я думал».

Через две ближние задние комнаты из торгового зала доносился недовольный ропот, и дамский голос громко произнёс:

— Господин аптекарь, я ужасно спешу, где вас носит?

Господин Эгон бросился через комнаты к стойке.

— Если он не может со мной поговорить тут, — с угрозой сказала госпожа Бартолотти, — тогда я с ним поговорю там!

Она сняла с гардеробной вешалки белый медицинский халат, надела его, затем нацепила на жёлтые локоны белую шапочку, лежавшую на картонной коробке.

Конрад всё ещё сидел посреди ковра и отчихивался — до того он наглотался пыли, пока его несли. Теперь он пытался оттереть носовым платком грязь с лица и рук.

— Деточка, ну это уже ни в какие ворота, — прошипел господин Эгон, увидев госпожу Бартолотти всю в белом рядом с собой за прилавком.

— Я тебе покажу ворота! — прошипела в ответ госпожа Бартолотти.

Она взяла пестик и принялась с усердием толочь им в ступке, как будто стараясь растереть в очень мелкий порошок особо твёрдые таблетки. И пока господин Эгон принимал рецепты и деньги, отпускал пилюли и возвращал сдачу, она успела шепнуть ему:

— Нам Конрада доставили якобы по ошибке. Теперь они хотят забрать его обратно!

— Об этом не может быть и речи!

Господин Эгон так взволновался, что выкрикнул эту фразу, а господин, отдавший ему рецепт, решил, что это относится к нему и спросил:

— А почему вы не желаете отпустить мне лекарство против давления? Оно вредно?

— Извините, — пробормотал господин Эгон и тихо спросил госпожу Бартолотти: — А ты за него вообще-то заплатила?

— Нет, — ответила та и быстрым шёпотом пересказала ему содержание синего письма.

Клиентам господин Эгон был известен как уравновешенный, приветливый человек. Сейчас же они были немало удивлены, потому что господин Эгон просто бросал таблетки и сдачу на прилавок, не приветствуя их и не интересуясь драгоценным здоровьем.

От дамы, хотевшей встать на напольные весы, он просто отмахнулся, а когда некий господин спросил, действительно ли лекарство, которое ему прописал доктор, не имеет желчного привкуса, господин Эгон на него даже не взглянул.

Рассказав господину Эгону всё под громкий стук пестика в ступке, госпожа Бартолотти тихонько спросила:

— Так ты поможешь мне?

– Естественно! – воскликнул господин Эгон, а поскольку он в этот момент передавал одной мамаше бутылочку с детской микстурой от кашля, та невероятно обрадовалась. Она была уверена, что именно «естественные растительные микстуры» лучше всего от кашля помогают.

Госпожа Бартолотти поставила ступку с пестиком на полку и шепнула:

– Я его наверх отведу, – и устремилась через две ближние задние комнаты к Конраду и Китти.

– Всё ол-райт! – крикнула она.

В третьей задней комнате имелась железная винтовая лестница. Она вела наверх, на второй этаж, в гостиную господина Эгона.

Госпожа Бартолотти, Конрад и Китти поднялись по лестнице.

– Боже мой, какой ужас! – пробормотала Китти, увидев комнату господина Эгона.

Гостиная была доверху набита старой мебелью. На окнах висели толстые потёртые бархатные гардины, а на столе лежала скатерть из чёрного шёлка с длинными кистями.

– Мама, – спросил Конрад, – что мы тут будем делать?

– Мы, – сказала госпожа Бартолотти и указала на Китти, – мы сейчас вернёмся, а ты останешься здесь и дождёшься господина Эгона. Он придёт сразу после закрытия аптеки.

— А ты не затоскуешь среди этой рухляди? — спросила Китти.

— Семилетний мальчик должен уметь сам себя занять несколько часов, — храбро ответил Конрад.

Он подошёл к книжному шкафу и достал том энциклопедии.

— На букву «п» я ещё кое-чего не знаю, — сказал он, затем уселся на старинное кресло и погрузился в чтение.

Госпожа Бартолотти и Китти спустились по винтовой лестнице на первый этаж, проворно свернули ковёр и вынесли его через чёрный ход. Китти позвонила в химчистку с заднего входа. Дверь им открыла та же девушка-приёмщица.

— Опять вы, с чем пожаловали? — спросила она.

— Я всё хорошенько обмозговала, — заявила госпожа Бартолотти, — решила всё-таки сдать его в чистку.

Она сунула ковровый рулон девушке в руки и вместе с Китти вышла через главный вход на улицу.

Девушка-приёмщица прикрепила к ковру номерок, поставила его в угол и сказала себе:

— Что за люди, у них семь пятниц на неделе!

Когда Берта Бартолотти и Китти выходили из химчистки, госпожа Рузика стояла у окна и смотрела на улицу. Увидев обеих, она подумала: «Долго же они пробыли в химчистке». И ещё она подумала: «Надеюсь, Китти выяснила, почему Конрад больше не живёт у госпожи Бартолотти».

Китти пришла домой и рассказала маме, что четыре дня назад Конрад бесследно исчез. Возможно, он вернулся к родному, настоящему отцу, господину Аугусту Бартолотти, который живёт где-то у чёрта на куличках. В любом случае найти его не удалось.

Госпожа Бартолотти тоже вернулась домой. Она села за ткацкий станок, но работать не смогла: все её мысли были заняты Конрадом.

Она сидела за станком до семи вечера. Курила, размышляла и лишь раз в полчаса вплетала в узор маленькую чёрную нить.

Около семи вечера госпожа Бартолотти вскочила со своего места, помчалась в ванную и смыла с лица все краски. Она повязала на рыжие пряди серый головной платок и стала рыться в шкафу в поисках серой вязаной куртки, подаренной к Рождеству господином Эгоном. Её она ещё ни разу не надевала, из-за того что серый цвет терпеть не могла. Но сей-

час она в неё облачилась и сказала своему отражению в зеркале:

– Деточка, ты страшна и уродлива, как смертный грех, зато теперь тебя с гарантией никто не узнает!

И действительно, никто госпожу Бартолотти на улице не узнал. Дворничиха с молочницей стояли у ворот и чесали языки. На госпожу Бартолотти они даже не взглянули.

Госпожа Бартолотти спустилась по улице до аптеки. Она прошла мимо нескольких людей, которые её знали. Никто на неё не посмотрел.

Сам господин Эгон не сразу сообразил, кто перед ним, когда она возникла на пороге его заведения. Несколько секунд он вглядывался в неё. Потом спросил:

– Чего изволите?

Но, присмотревшись, очень обрадовался.

– Деточка, сегодня ты мне нравишься! – расплылся он в улыбке.

– Очень в твоём стиле! – огрызнулась госпожа Бартолотти. – Стоит превратиться в полудохлую вошь, как тут же начинаешь ему нравиться!

– Да уж, полудохлая вошь мне милее, чем попугай, – пробурчал господин Эгон и проводил Берту Бартолотти к Конраду в гостиную.

Конрад сидел за столом, покрытым чёрной шёлковой скатертью. Перед ним лежало сразу несколько открытых энциклопедий и справочников.

— Мама, — сказал Конрад, — я уже знаю шестьдесят семь новых иностранных слов, папа меня проверял.

Госпожа Бартолотти закрыла все энциклопедии и справочники, сбросила их со стола, и они с грохотом рухнули на пол. Затем она стянула со стола чёрную шёлковую скатерть, потому что от чёрного цвета ей, судя по всему, делалось дурно. Она села за стол, положила на него руки и произнесла:

— Итак, сейчас я представлю вам свой грандиозный план.

Господин Эгон сел в глубокое кресло в ожидании грандиозного плана. А вот Конрад выглядел совсем не радостно.

— Извини, мама, — сказал он, — я думаю, тут никакой план не поможет. Люди с фабрики очень хитрые. Они меня везде найдут. Они знают тысячу способов.

— Тебя они не найдут! — повысила голос госпожа Бартолотти. — Пока они ищут, пройдёт какое-то время, а когда найдут, ты будешь уже не ты!

– Что это значит? – Господин Эгон вскочил с кресла.

– Будь добр, сядь и слушай! – потребовала госпожа Бартолотти.

Господин Эгон снова уселся в кресло, и Берти Бартолотти продолжала:

– Необычные обстоятельства требуют необычных мер.

Господин Эгон и Конрад согласно кивнули.

– Не секрет, – госпожа Бартолотти подняла вверх правый указательный палец и победно потрясла им в воздухе, – не секрет, что их разъездная служба ищет послушного, очень воспитанного, усердного и покорного мальчика из консервной банки. То есть тот продукт, который они поставили.

Господин Эгон и Конрад опять кивнули.

– Следовательно, – госпожа Бартолотти вновь очень возбуждённо потрясла правым указательным пальцем, – следовательно, нам надо изменить продукт таким образом, чтобы они сами не узнали его!

– Ты хочешь покрасить ему волосы? – спросил господин Эгон.

– Тупица! – Госпожа Бартолотти бросила гневный взгляд на Эгона и обратилась к Конраду: – Что противоположно слову «хорошо»?

– Плохо! – ответил Конрад.

– А противоположность слову «послушный»?

– Непослушный.

- А слову «тихо»?
- Громко.
- «Воспитанный»?
- Наглый.
- «Покорный»?
- Бунтарский.
- Видишь, – обратилась госпожа Бартолотти к господину Эгону, – если он станет таким, они его не узнают.
- Нет! – воскликнул потрясённо господин Эгон.
- Значит, ты хочешь, чтобы они его забрали?
- Нет! – воскликнул господин Эгон ещё более потрясённо.
- Тогда тебе придётся согласиться с кардинальным изменением продукта.
- Другого варианта нет? – спросил господин Эгон упавшим голосом.
- Другого – нет! – отрезала госпожа Бартолотти.
- Конрад откашлялся.
- Извините, – сказал он тихо, – план правда очень, очень хороший, но ты ведь, мама, отлично знаешь: я не могу быть другим, чем я есть. Я уже пытался. Ради Китти пытался, но ничего не вышло.
- Полная ерунда! – заявила госпожа Бартолотти. – Мы с Китти Рузикой уже всё детально обсудили. То, что ты не можешь стать другим, – чушь на постном масле. Они тебя таким не создали, они тебя таким

вышколили. В отделе готовой продукции. А теперь Китти тебя переучит! Они тебя всему такому научили, а Китти тебя от этого отучит!

— Ты честно думаешь, что у меня получится? — спросил Конрад.

— Мы постараемся, — коротко высказалась госпожа Бартолотти.

После чего она распрощалась с господином Эгоном и Конрадом. А Конрада она ещё трижды поцеловала в каждую щёку. Наперёд: вдруг они теперь долго не увидятся?

Госпожа Бартолотти провела крайне беспокойную ночь. Ей снились чудовищные вещи. Ей приснились двое здоровенных серых мужчин, они явились забрать у неё Конрада. Мальчик попытался убежать, но мужчины бросились за ним. Конрад не смог улизнуть, он завяз в тянучках от жевательной резинки, которыми был заклеен весь пол. Госпожа Бартолотти хотела броситься ему на помощь, но тоже увязла в жвачке, не в силах двинуться с места.

Просмотрев этот ужасный сон десять раз подряд, она решила встать. Накинула утренний халат и пошла в ванную. За окном было ещё темно. Госпожа Бартолотти раскрасила себе лицо, извела кучу косметики. Она подумала, что от краски ей сделается веселее. Затем сварила кофе в большом кофейнике, закурила сигару, села за письменный стол и принялась ждать.

Время от времени она выглядывала из кухонного окна, наблюдая, как небо постепенно светлеет.

Сначала на улице была полная тишина, потом, когда рассвело и небо сделалось светло-розовым с зеленоватыми прожилками, внизу на улице зарычали и загудели машины, повизгивая шинами на повороте.

Всякий раз, когда на лестничной площадке за дверью раздавались шаги, госпожа Бартолотти вздрагивала. Когда шаги умолкали, она с облегчением вздыхала.

На седьмой чашке кофе снова раздались шаги, только на сей раз они не исчезли, а остановились у двери, и звонок громко зазвенел. Охотнее всего госпожа Бартолотти спряталась бы куда-нибудь. Под стол или в угол за холодильником. Но она себя подбодрила и внушила: если я сейчас к ним не выйду, они потом явятся снова.

Человек, стоявший за дверью, был тощим и маленьким, одетым в синий комбинезон. Рядом с ним, на половике для вытирания ног, лежала огромных размеров серебристая консервная банка с навинчивающейся крышкой.

В ней он собирается унести моего Конрада, подумала госпожа Бартолотти. От этой мысли она пришла в такую ярость, что у неё весь страх как рукой сняло.

— Что вам угодно? — спросила она.

Будучи изрядно выше «синего» мужчины, она ещё и грозно посмотрела на него сверху вниз.

— Я должен забрать у вас доставленный по ошибке товар.

— Сожалею, — сказала госпожа Бартолотти, — доставленный по ошибке товар три дня назад бесследно исчез, сбежал. Скорее всего, к чёрту на кулички.

— Куда-куда?

— К чёрту на кулички! Туда, где, собственно, проживает его официальный отец.

Маленький «синий» человек вытянулся во весь рост, но от этого не стал особенно выше.

— Вы не должны были этого допустить! — воскликнул он. — Ведь мальчик в конечном счёте является собственностью моей фирмы!

— Допустить, допустить! — фыркнула госпожа Бартолотти. — Сами хороши! Сперва присылаете нечто, что мне даром не нужно, а потом приходите и возмущаетесь.

— Вы сообщили о пропаже в полицию? — спросил «синий» человечек.

— Эй, вы, синюшный гном, послушайте-ка! — Берта Бартолотти вплотную подступила к маленькому человеку. — Кто же сообщает в полицию о потере того, что ему даром не нужно! А сейчас проваливайте ко всем растворимым чертям и чтоб вам там пусто было!

«Синий» человечек сделал шаг назад, схватил серебристую консервную банку и бросился к лестнице.

— Вы ещё о нас услышите, можете не сомневаться! — выкрикивал он, сбегая по лестнице.

Госпожа Бартолотти захлопнула дверь, прошла к окну в гостиной и посмотрела вниз на улицу. Она увидела, как «синий» выскочил с консервной банкой из подъезда, залез в синюю машину и уехал.

— Они ещё вернутся, деточка, — сказала себе госпожа Бартолотти, — как пить дать вернутся.

В полдень, сразу после школы, Китти Рузика сказала маме, что она адски спешит к своей подруге Анни Майер. Анни, по словам Китти, совсем не тянет по арифметике, и она должна с ней пройти всю таблицу умножения.

— Молодец, друзьям надо помогать! — похвалила госпожа Рузика.

Она сразу поверила Китти, так как Анни Майер действительно в арифметике была полный ноль, и потом Китти почти никогда не врал.

— Только не задерживайся допоздна, — попросила госпожа Рузика.

— Ну, раньше шести-полседьмого Анни умножение на три и на четыре вряд ли усвоит, — ответила Китти.

Ночь Конрад провёл в кровати господина Эгона. А сам господин Эгон спал в гостиной на диване. До обеда Конрад учил новые слова. На сей раз от буквы Б до буквы Д. А потом он учил умножение на 49 и на 63 – вплоть до 49 на 49 и 63 на 63. Наизусть!

В обед господин Эгон закрыл аптеку, поднялся наверх по винтовой лестнице и сварил густую манную кашу с корицей и сахаром. Кашу они запивали витаминизированным морковным соком.

Затем господин Эгон снова вернулся в аптеку, а Китти уселась с Конрадом за большим столом в гостиной. Китти сказала:

– Конрад, всё очень просто! В воспитании главный принцип: если ребёнок делает что-то правильно, его хвалят. Если ребёнок что-то делает неправильно, его ругают или в упор не видят. Следовательно: будешь паинькой – похвалят, будешь плохо себя вести – накажут, ты это понимаешь?

Конрад это понимал.

– А так как переучивание должно происходить очень быстро, то придётся прибегнуть к необычным методам...

– ...которых требуют необычные обстоятельства, – перебил её Конрад.

– Точно! – отозвалась Китти.

– И что мне теперь прикажешь делать? – спросил Конрад.

– Теперь ты скажешь все ругательства, какие знаешь.

– Я никаких не знаю.

– А вот и нет! – воскликнула Китти. – Флориан столько раз тебя обзывал. Не мог же ты совсем ничего не запомнить!

Конрад покраснел до ушей.

– Предположим. Только я такие слова повторить не смогу. У меня горло перехватывает, и они там застревают.

– А ты говори одно приличное слово, одно ругательное – по очереди, – предложила Китти.

– Милостивая сударыня, – сказал Конрад и тут же вскрикнул: – Ой! – потому что Китти уколола его в руку булавкой.

Это входило в переучивание.

– Бол... – сказал Конрад.

Дальше не смог. Опять горло перехватило.

– Бол... – попытался Конрад ещё раз, и Китти бросила на него ободряющий взгляд.

– Старайся, пока не получится, – прошептала Китти.

– Бол, бол, бол. Бол-ван! – выдавил наконец из себя Конрад.

Китти наклонилась к нему и поцеловала в щёку. Конрад очень обрадовался.

– А теперь давай по очереди: болван – сударыня! – велела Китти.

Конрад так и сделал. При каждой «сударыне» Китти покалывала его булавкой в руку, а при каждом «болване» она целовала его в щёку.

Через десять минут Конраду расхотелось повторять «сударыня». Он повторял лишь одних «болванов»! И получал один поцелуй за другим.

– Браво, Конрад! – Китти была в восторге. – Ты учишься фантастически быстро!

А потом он сдал Китти первый экзамен. Он подошёл к телефону и набрал номер. Первый попавшийся номер: 25-79-51.

– Губер, – раздался мужской голос.

Конрад сглотнул слюну, подавил спазм в горле, на его лбу выступили маленькие капли пота.

– Ну давай же говори! – шепнула Китти.

– Простите, пожалуйста, – сказал Конрад в трубку.

Тут Китти приставила булавку прямо к кончику его носа. Конрад закрыл глаза, ещё раз сглотнул и сказал в трубку:

– Вы болван, вот вы кто!

И положил трубку. Китти в награду расцеловала Конрада в обе щёки. На её взгляд, сегодня Конрад уже многому научился, и они решили поиграть.

– У тебя «Викторина» с собой?

– Нет, будем расписывать стены, – заявила Китти и дала Конраду красный и зелёный мелки.

Конрад, естественно, стены расписывать не хотел. Он предположил, что господин Эгон не придёт от этого в восторг.

– Не думай об Эгоне, – заманивала его Китти, – думай лучше о том, какими будут цветы, которые ты нарисуешь.

– У них вот такой стебель, – сказал Конрад и страшно испугался, потому что нарисовал на стене зелёную линию.

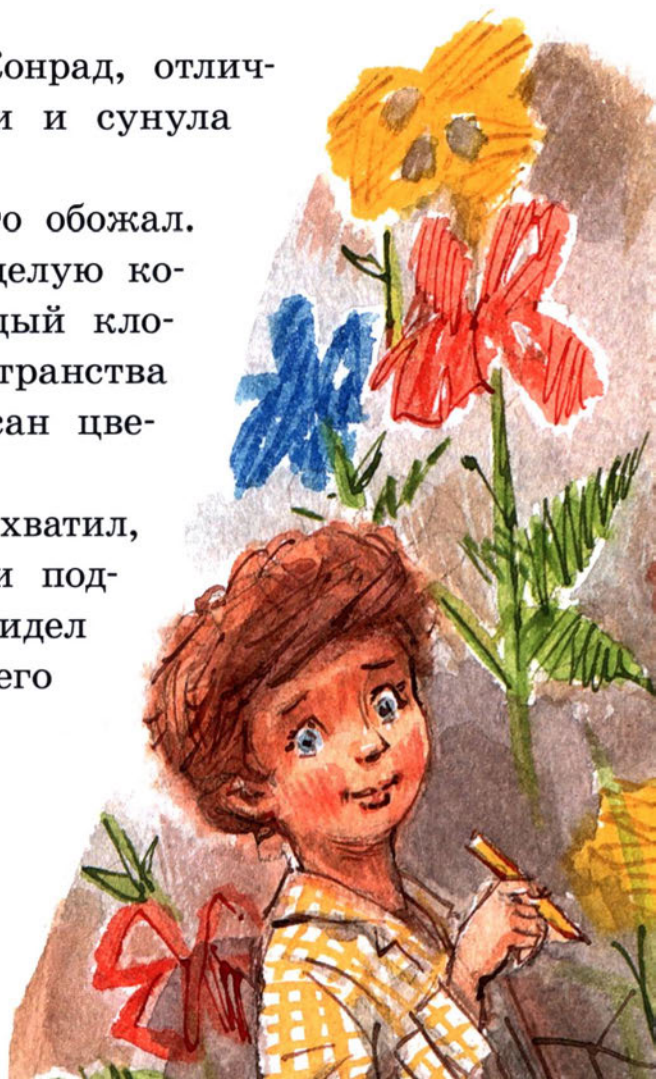
– Умница, Конрад, здорово, Конрад, отлично, Конрад! – похвалила Китти и сунула ему в рот мятный леденец.

Мятные леденцы Конрад просто обожал.

К шести часам Конрад съел целую коробку мятных леденцов, и каждый клочок свободного от картин пространства на стене в гостиной был расписан цветами.

Господина Эгона чуть удар не хватил, когда он после закрытия аптеки поднялся по лестнице наверх и увидел цветочную комнату. Но Китти его опередила:

– Необычные обстоятельства, дорогой господин аптекарь...

– ...требуют необычных мер, знаю, знаю! – вздохнул господин Эгон.

После чего Конрад трижды сказал ему «болван».

– Вам надо похвалить его, – шепнула Китти господину Эгону в ухо, – не то все мои старания пойдут насмарку!

За всю жизнь ничто господину Эгону не давалось тяжелее, чем это; наклонившись к Конраду, он сказал:

– Дорогой мой сынок, как прекрасно ты научился говорить «болван»! Я горжусь тобой!

Из соображений безопасности Китти решила больше не появляться у госпожи Бартолотти. По тем же соображениям госпожа Бартолотти решила не навещать ни Китти, ни господина Эгона. Тем не менее Китти и госпожа Бартолотти поддерживали безупречную связь: они переговаривались через вентиляционную шахту в ванной.

Ванная Рузиков находилась прямо под ванной госпожи Бартолотти. В обеих ваннных комнатах было небольшое зарешечённое окошко для вентиляции. Если говорить прямо в него, то и сверху и снизу было очень хорошо слышно. Китти и госпожа Бартолотти

установили время. Каждый вечер ровно в семь и в обед ровно в полвторого. А для непредвиденных срочных сообщений они придумали следующее: если госпоже Бартолотти надо что-то сообщить, она забивает на кухне в стену три гвоздя. Если Китти что-то надо сообщить, то она играет на губной гармошке. И стук молотка, и игра на гармошке хорошо прослушивались через стены.

В семь вечера госпожа Бартолотти зашла в ванную, уселась перед вентиляционным окошком и крикнула:

– Китти, ты здесь?!

– Так точно! – раздалось из шахты. Шахта изменяла голоса до неузнаваемости. Киттин голос звучал как голос древнего гнома.

– Как там поживает мой Конрад? – спросила госпожа Бартолотти.

– Очень хорошо, он учится невероятно быстро!

– Ко мне приходила разъездная служба. Такой мелкий, омерзительный тип. Я его вышвырнула!

Госпожа Бартолотти ждала ответа. Но ответа не последовало. Она приложила ухо к вентиляционному окошку и услышала, как господин Рузика ругается:

– Чёрт побери! Что ты так долго делаешь в ванной?

Госпожа Бартолотти встала, печально вздыхая: ей хотелось ещё пообщаться с Китти. И пошла на кухню готовить себе яичницу-болтунью из одного яйца. Она

раздумывала, не добавить ли в яйцо мелко нарезанных рольмопсов для улучшения вкуса, когда в дверь позвонили. Два раза – длинно.

Берта Бартолотти уменьшила огонь под сковородкой и прокралась к входной двери. В двери был глазок. Глазок закрывался латунной задвижкой. Госпожа Бартолотти тихо и осторожно отодвинула задвижку. Ей хотелось посмотреть на лестничную площадку, и она страшно испугалась, увидев выпученное синее глазное яблоко. В ужасе она отпрянула назад. Тот, кто стоял за дверью и кому принадлежало выпученное глазное яблоко, испугался явно меньше госпожи Бартолотти. Он не отпрянул назад. Его синий выпученный глазище неотрывно пялился в глазок.

– Госпожа Бартолотти, откройте! – раздался низкий голос.

– Мы знаем, что вы дома! – раздался средний голос.

– Она сама добровольно не откроет, – раздался высокий голос.

«Боже мой, их трое!» – подумала Берта Бартолотти.

Она удостоверилась, что цепочка действительно накинута, задвижка действительно задвинута, а дверь ещё и заперта на замок.

Снова трижды позвонили. И все три голоса – высокий, средний и низкий – одновременно произнесли:

– Немедленно откройте, госпожа Бартолотти!

— А что вам нужно? — спросила госпожа Бартолотти, изо всех сил стараясь, чтобы голос её звучал громко и не испуганно.

— Нам надо с вами поговорить, — сказал высокий голос.

— По поводу расхищения ошибочно доставленного товара, — произнёс средний голос.

— Если вы немедленно не откроете, то мы проникнем к вам силой, — пробасил низкий голос.

Входная дверь Берти Бартолотти была из старинного дуба, запор из толстой латуни, а цепочка из рафинированной высокосортной стали.

— Посмотрим, как это у вас получится! — крикнула в ответ госпожа Бартолотти.

Высокий, средний и низкий голоса пошептались за дверью, потом на лестничной площадке слышались тяжёлые шаги. Госпожа Бартолотти с облегчением вздохнула: она подумала, что незваные гости спускаются по лестнице.

– Теперь хорошо бы граммов сто наливочки, – пробормотала госпожа Бартолотти.

Наливка была на кухонной полке.

Придя на кухню, госпожа Бартолотти обнаружила, что яичница вконец сгорела. Запах стоял невыносимый. Госпожа Бартолотти выключила газ и выбросила яйцо вместе с маленькой сковородкой в помойное ведро, потому как сковородка сделалась чернее сажи, а госпоже Бартолотти даже попытаться отскоблить такую сковородку было лень.

Она открыла окно, чтобы выветрить яичный смрад, затем достала бутылку с наливкой, отвинтила крышку и приложила к горлышку. Когда госпожа Бартолотти пила прямо из бутылки, она обычно закрывала глаза. Выпив, поставила бутылку на стол, снова открыла глаза и посмотрела на кухонное окно. Она увидела три пары ног в синих штанах и три пары синих сапог на фоне темнеющего предвечернего неба. Ноги покачивались на уровне оконного переплёта, потом спустились ниже, делаясь всё длиннее и длиннее, и вот уже трое мужчин в синих комбинезонах стоят на подоконнике. На головах у них защитные шлемы, а на руках серебристые рабочие варежки. Все трое опоясаны патронташами, на каждом кобура, из которой выглядывает серебристая ручка пистолета.

Госпожа Бартолотти испугалась ещё больше, чем тогда, когда открыла консервную банку с Конрадом. Она

плюхнулась на стул. Вся кухня вместе с тремя мужчинами на подоконнике закружилась вокруг неё.

Мужчины хором выкрикнули:

– Могли бы, между прочим, избавить нас от необходимости лезть с крыши!

Постепенно кухня кружиться перестала.

– Кто вы вообще такие? – спросила госпожа Бартолотти.

– Фабричная бригада! – гаркнула троица и спрыгнула с подоконника в кухню.

Сперва они осмотрелись на кухне, затем прошли в гостиную, потом в рабочую комнату и в спальню. Они обыскали туалет и ванную. Даже встроенный шкаф в передней перерыли до основания.

Госпожа Бартолотти всё это время сидела на стуле. Она костерила мужчин на чём свет стоит. Она ругалась:

– Тупые бараны, я ведь уже сказала, что он сбежал, уже четыре дня как его нет! Убирайтесь, это нарушение неприкосновенности жилища! Кто вам, собственно, дал право на подобные выходы?

Её ругань троих мужчин несколько не смущала. Они перевернули вверх дном всю квартиру с такой дотошностью, словно искали крошечный бриллиант. Госпожа Бартолотти слышала, как низкий голос сказал:

– Не квартира, а помойка!

– Сарай какой-то! – согласился средний голос.

А высокий голос произнёс:

— Глаза бы мои не глядели!

Но потом низкий голос вдруг крикнул:

— Вот тебе раз, что я вижу!

Трое мужчин зашли в кухню. Прямо в лицо госпоже Бартолотти они сунули открытую школьную тетрадь Конрада. В ней было вчерашнее домашнее задание со вчерашней же датой.

— Говорите, четыре дня прошло, как он пропал? — насмешливо спросил высокоголосый.

— Вот вы и разоблачены! — воскликнул среднеголосый, а низкоголосый схватил госпожу Бартолотти за плечо.

Этого она уже никак стерпеть не могла и укусила низкоголосого в руку. Он вскрикнул и руку убрал.

— Пошли, — сказал тенор, — у нас достаточно доказательств. Старуха его увезла, как только получила письмо от фирмы.

Баритон закрыл тетрадь и сунул её себе в карман комбинезона. После чего троица прошествовала из кухни через переднюю к входной двери.

Госпожа Бартолотти слышала, как цепочку сняли, запор отодвинули и ключ несколько раз повернули. Входная дверь захлопнулась. Мужские шаги удалились.

Берти Бартолотти взяла молоток и вбила три огромных гвоздя в стену, после чего бросилась в ванную и прокричала в вентиляционную шахту:

– Китти, Китти, ты меня слышишь?

Китти не отвечала. Она уже спала. Зато господин Рузика, читавший газету в гостиной, сказал жене:

– Какая наглость! Неужели ей целого дня мало, чтобы заколотить свои идиотские гвозди!

На следующий день, около полудня, Китти Рузика снова отправилась из дома: помочь Анни Майер с таблицей умножения. Госпожа Рузика даже растрогалась.

– Какой ты у меня отзывчивый ребёнок! – похвалила она Китти.

Китти согласно кивнула. Совесть её была чиста. Какая, в конце концов, разница, кому она теперь помогала – Анни Майер или Конраду?

Для сегодняшней встречи она придумала совершенно особую программу. По лестнице она поднялась наверх к Конраду.

Конрад спросил её:

– Как там моя мама?

– Сегодня я глухая! – заявила Китти. – Запиши, пожалуйста, вопрос.

Она протянула ему сильно мятую бумажку с пятнами жира и тупой обгрызенный карандаш. Конрад

испытывал отвращение к мятой бумаге и обгрызенным карандашам, но ему не терпелось узнать, как поживает госпожа Бартолотти. Поэтому он преодолел себя и написал на безобразном бумажном клочке:

Как поживает моя мама?

Бумажку он протянул Китти. Китти посмотрела на почерк и сказала:

– Такие ровненькие, прямые буквы я читать не могу! Они отвратительно ровные! Пожалуйста, пиши вкривь и вкось! Одну букву чуть вправо, другую чуть влево, и строчку, ну очень прошу, не води как по линейке!

А поскольку Конраду во что бы то ни стало хотелось знать, как поживает его мама, он изо всех сил старался писать криво, косо и грязно. Он извёл девять жёваных клочков бумаги, заляпанных чернильными пятнами, пока Китти не сочла его буквы достаточно безобразными.

– Спасибо, у госпожи Бартолотти всё в порядке, – сказала Китти, прочтя девятую записку. Теперь у неё появился и слух. Она велела Конраду петь песни.

Конрад затыкнул:

– Приди, лас-ковый май, всё во-круг...

Китти достала из кармана ржавый коровий колокольчик и позвенела им. У Конрада от этого заболели уши. Он перестал петь. Китти перестала звенеть. Конрад снова затаился:

— Все мои утя-та...

Китти снова зазвенела коровьим колокольчиком. Когда же он запел: — «Мила-я луна, плыви по небосводу...» — Китти затрезвонила так, словно случился пожар.

— Китти, — взмолился Конрад, — под такой трезвон петь невозможно!

— Спой песню о солдате, — приказала Китти.

Конраду не хотелось.

— Это неприличная песня, — сказал он.

— Всё равно спой! — наседала Китти.

Конрад начал:

— Сидел солдат на попе
В заброшенном окопе.

Китти не звонила. Она тихонько подпевала. Конрад был ужасно рад, что противный трезвон прекратился и что Китти так изумительно нежно подпевает ему. Поэтому он запел дальше:

– Приказов он не слушал,
Штыком картошку кушал!

Конрад пел с огромным удовольствием. После песни о штыке с картошкой ему хотелось спеть ещё «Ле-ти, жук, ле-ти!», но Китти тут же затрясла колокольчиком. А уж когда он попытался спеть «Анне-Мари, куда ты у-езжа-ешь?» она так растрезвонилась – хоть святых выноси. Но стоило ему запеть: «Речка весело бежит. На дне тёща лежит...», как она перестала бренчать и подхватила небесно-ангельским, хрустальным голосом.

Потом он ещё спел:

– Спи дитя моё, усни,
От семейки отдохни.
Твой папаша хулиган,
У него в шкафу наган.

А мамаша – истеричка,
Ей под стать твоя сестричка.

Не семейка – просто ад!
Ты ж ни в чём не виноват.
Спи... усни...

Китти до того изумительно и задушевно подпевала, что Конрад сам удивился: песня и впрямь чудесная. Он спел её десять раз подряд.

Затем Конрад с Китти играли в разные игры: рвали газеты, намазывали ножки стола пенкой от молока, крошили шпинат в малиновый пудинг. А под конец урока перевоспитания Конрад должен был отрезать от чёрной шёлковой скатерти кисти.

Поначалу у него дело не шло. После каждой отрезанной кисти он стонал и вздыхал. Но, отрезав кисти с одной стороны скатерти, он стал стонать тише. После второй стороны он уже не стонал, третья сторона вообще прошла легко, а четвёртую он обрезал просто играючи. Когда последняя кисть упала на пол, Конрад даже рассмеялся.

В награду он получил от Китти по три поцелуя в каждую щёку. А все чёрные кисти она разрешила ему выбросить в окно.

— Прямо как чёрный снег! — радовался Конрад.

Вечером в семь часов Китти сообщила через вентиляционную шахту госпоже Бартолотти, что Конрад меняется буквально на глазах.

— Просто как в сказке! — хвалила его Китти.

— Надеюсь, всё это кончится хорошо, — пробормотала госпожа Бартолотти.

После визита «синих» мужчин она слегка упала духом. Да и Китти совсем не была столь безупречно бодрой, какой старалась казаться. Возвращаясь сегодня из аптеки, наблюдательная Китти увидела рядом со своим подъездом мужчину в синем. Он стоял и читал газету.

Кому, спрашивается, охота пасмурным вечером у подъезда стоять и читать газету? Китти всё это показалось крайне подозрительным. Да ещё за ужином госпожа Рузика рассказала, что днём к ним приходила дама из отдела соцобеспечения. Интересовалась Конрадом. У Китти от страха картофельное пюре упало с вилки на стол, и господин Рузика прикрикнул на неё:

– Ну-ка ешь как человек!

– Она спрашивала адрес отца Конрада, – добавила госпожа Рузика.

Китти сказала:

– Но ведь он живёт у чёрта на куличках!

Тогда госпожа Рузика призналась, что дала этой даме адрес господина Эгона.

– Родной отец или не родной, – объяснила госпожа Рузика, – во всяком случае, при мне Конрад отцом называл аптекаря Эгона!

Тут уже у Китти вилка вывалилась из рук, и господин Рузика снова рявкнул на неё:

– Ешь по-людски, кому говорю!

Китти подняла вилку с пола и спросила:

– А в чём была эта дама из соцобеспечения?

Китти совсем не удивилась, когда мама сказала:

– Ах, в чём-то синем с серебряными пуговицами...

Больше всего Китти хотелось сразу же поиграть на губной гармошке и всё рассказать госпоже Бартолотти. Но потом подумала: Берте Бартолотти своих неприят-

ностей хватает. И изменить что-то она не может. Только я могу изменить Конрада.

Китти решила на следующий день в школу не ходить, а сразу побежать к Конраду, чтобы спасти то, что ещё можно спасти.

Школу Китти прогуливать не любила. Это на неё было совсем не похоже. Но она сказала себе:

– Необычные обстоятельства требуют необычных мер!

Ровно в восемь утра господин Эгон поднял жалюзи над входом в аптеку. Перед аптекой стояла Китти.

– Послушай, Китти, – тихо сказал господин Эгон, – тебе бы не следовало у всех на виду являться сюда.

– Прятаться нет больше никакого смысла, – ответила Китти. – Посмотрите-ка, кто стоит около телефонной будки.

– Мужчина в синем комбинезоне, – ответил господин Эгон.

– А кто стоит на трамвайной остановке?

– Женщина в синем костюме.

– А перед цветочным магазином?

– Мужчина в синем костюме.

– Не слишком ли много синего для такого хмурого утра, вы не находите?

Господин Эгон озабоченно кивнул. Китти потянула его за собой в аптеку.

– Теперь, видимо, всё кончено? – жалобно спросил господин Эгон.

– Совсем ничего не кончено, – сказала Китти. – Я сейчас поднимусь к Конраду и начну с ним интенсивную программу. Будет слегка шумновато!

– А мне что делать? – спросил господин Эгон. – Может, Берту сюда привести? Она точно смелее меня!

Китти это показалось хорошей идеей. Господин Эгон взял листок бумаги и написал на нём:

Берточка, высшая степень опасности! Приходи немедленно!

Господин Эгон сложил записку. Перед аптекой дворничиха подметала тротуар.

– Госпожа Шнурпфайль! – окликнул её господин Эгон. – Госпожа Шнурпфайль, не будете ли вы столь добры, не доставите ли письмецо госпоже Бартолотти?

Госпожа Шнурпфайль была столь добра и письмо взяла.

– И если вам встретится «синий» человек, – добавил господин Эгон, – не отдавайте ему это письмо ни под каким видом!

— Уж можете на меня положиться, — ответила госпожа Шнурпфайль и зашагала прочь.

Господин Эгон и Китти смотрели ей вслед. Госпожа Шнурпфайль миновала остановку, а затем и женщину в синем.

— Нет, она у неё сейчас отнимет мою записку! — причитал господин Эгон.

Синяя женщина и впрямь схватила госпожу Шнурпфайль за руку. Однако госпожа Шнурпфайль огрела «синюю» метлой по голове да как заорёт:

— Напали! На помощь!

Тут «синяя» дала дёру.

— Записка у Шнурпфальши, — сказала Китти удовлетворённо и через три задние комнаты направилась к винтовой лестнице.

Конрад в ванной принимал душ. Он обрадовался, что Китти так рано пришла. С тех пор как Китти занялась его перевоспитанием, учить слова из энциклопедии ему стало совсем неинтересно.

Китти сказала:

— Конрад, они пронюхали, что ты здесь. Теперь у тебя остался последний шанс!

— Тогда за работу! — воскликнул Конрад. Ему ужасно нравилось учиться.

В половине девятого в аптеку пришла Берти Бартолотти. В фиолетовых брюках и жёлтой блузе. Лицо её было раскрашено, как никогда. Пока господин Эгон продавал за стойкой лекарства, она делала вид, что смахивает метёлкой пыль с внутренней стороны окон, а сама следила за «синими». Того, в телефонной будке, она сразу узнала. Это который с высоким голосом. А у цветочного магазина дежурил второй, со средним голосом. А стоявший на углу и читавший газету — это тот самый, с низким голосом. Всего вблизи аптеки госпожа Бартолотти насчитала семь «синих» личностей.

Около девяти часов «синяя» дама, стоявшая на остановке, пересекла улицу и зашла в аптеку.

— Чем могу служить? — спросил господин Эгон дрожащим голосом.

Дама протянула ему рецепт с названием лекарства, которое очень редко покупали и которое господин Эгон в аптеке не держал.

— Мне его придётся заказать, — сказал господин Эгон.

— Тогда закажите, пожалуйста, — попросила дама, с удивлением глядя на потолок, потому что три большие люстры на нём бешено раскачивались во все стороны.

Господин Эгон позвонил в срочную службу доставки лекарств. Там обещали привезти лекарство через два часа.

– Если вы зайдёте через два часа, оно уже будет здесь, – сказал господин Эгон.

«Синяя» дама уходить не собиралась. Она заявила, что подождёт лучше прямо в аптеке. Усевшись на банкетку, она смотрела на ходивший ходуном потолок, качающиеся люстры и изумлённо наблюдала, как трясутся и дребезжат склянки на полках.

Где-то в четверть десятого в аптеку вошёл «синий» господин, у него тоже был редкий рецепт, и он тоже решил дожидаться здесь. Усевшись на банкетку рядом с «синей» дамой, он принялся разглядывать влажное пятно на потолке, которое становилось всё больше и темнее. (Над торговым залом находилась спальня господина Эгона, где Конрад упражнялся в поливании ковра водой.)

В десять часов пришла госпожа Шнурпфайль. Она была взволнованна.

– Господин Эгон, – сказала она, – представьте себе: в подъезде стоят двое мужчин в синем, и во дворе около мусорных контейнеров тоже стоят двое мужчин в синем. И сколько бы я на них ни орала, сколько бы ни совестила, это мужичье и не думает убираться!

– Мы окружены, – прошептала госпожа Бартолотти.

Тут вдруг люстры на потолке закачались и затряслись с такой силой, а склянки на полках задрезб-

жали так громко, что госпожа Шнурпфайль спросила:

– Никак, у нас опять землетрясение?

– Нет, нет, – поспешил успокоить её господин Эгон, – это у меня наверху, в квартире, рабочие орудуют.

Госпожа Шнурпфайль сразу же успокоилась и отправилась доругивать «синих» мужчин.

В половине одиннадцатого в аптеку появился господин в синем пальто, в очках с серебряной оправой и с серебряным кейсом в руке. За ним зашёл ещё один – в синей спецовке, вслед за которым протиснулась супружеская пара, вся в сером. Женщина была востроносая. А мужчина – лысый на всю голову.

Супружеская пара тоже уселась на банкетку. Господин в серебряных очках сказал им:

– Скоро вы сможете заключить вашего сына в объятия.

– Давно пора, – сказал крупнолысый.

– Вы нас уже какую неделю кормите обещаниями, – прибавила востроносая.

Кроме толпы «синих» людей и супружеской пары в аптеке находилось ещё двое обычных покупателей.

Тип в синей спецовке открыл входную дверь и гаркнул:

– Инфекционная тревога, опасность эпидемии, всем срочно покинуть аптеку!

У покупателей лица вытянулись от страха.

– Катитесь живо отсюда! – рявкнул на них господин в серебряных очках и указал обычным покупателям на дверь.

– Всё ложь, никакой эпидемией и не пахнет! – возмутился господин Эгон.

– Оставайтесь! – крикнула госпожа Бартолотти.

Но мужчина в синей спецовке схватил обоих покупателей и выставил их вон. Потом он закрыл дверь и перевернул висевшую на ней табличку. Теперь с уличной стороны каждый мог прочесть: «ЗАКРЫТО».

– Могу я наконец получить моего маленького воспитанного мальчика? – спросила востроносая.

– Немедленно, сударыня! – воскликнул человек в серебряных очках и, обратившись к господину Эгону, потребовал: – Ну-ка доставьте сюда мальчика! Мальчик – моя собственность, у вас на него никаких прав нет!

Затем он повернулся к госпоже Бартолотти и прорычал:

– А у вас тем более, пугало вы огородное!

Господин в серебряных очках и другой, в синей спецовке, хотели пройти в заднюю комнату.

– Только через мой труп! – крикнул господин Эгон дрожащим голосом. Но прозвучало это слабо и жалко.

– Не пускай его! – крикнула госпожа Бартолотти. – Врежь ему как следует!

– Можно за ним вовсе и не ходить, – усмехнулся господин в серебряных очках, – мои растворимые дети слушаются с первого слова.

Очкастый господин сложил руки трубочкой, поднёс ко рту и выкрикнул:

– Конрад!

Он ещё трижды что есть мочи орал: «Конрад!», и ещё трижды: «Конрад, сейчас же иди сюда!» Но никакого Конрада не было. Зато лампы покачивались, склянки на полках позвякивали, а пятно от воды стало просто огромным.

– Почему же он не идёт? – спросил крупнолысый. – Мы ведь заказывали послушного мальчика!

Госпожа Бартолотти сказала:

– Он, знаете ли, слышит и в то же время не слышит. Таковы уж дети, можно себе мозоли на языке натереть, до них не докричишься!

Востроносая вскочила с банкетки и заверещала:

– Но ребёнок, которого мы заказали, должен слушаться с первого раза!

– Он слушается, слушается, – успокаивал её человек в серебристых очках. – Вероятно, кто-то мешает ему спуститься к нам, вероятно, это девчонка его удерживает.

Человек в серебряных очках повернулся к мужчине в синей спецовке и приказал:

— Вы остаётесь здесь и охраняете выход. Сейчас мы эту лавочку возьмём штурмом!

И хотя господин Эгон храбро закрыл собой проход, а госпожа Бартолотти не менее храбро пыталась ухватить за волосы даму в синем, человек в серебряных очках, его синяя свита и серая супружеская пара проникли в задние помещения. Они пронеслись через первую, вторую и третью задние комнаты. Они уже подбежали к винтовой лестнице, и тут сверху раздался голос Конрада:

— Да иду я к вам, сборище тупиц!

Все подняли головы и увидели, как Конрад скатился на животе — ногами вперёд! — по перилам винтовой лестницы. Поскольку востроносая женщина стояла прямо там, где заканчиваются перила, он, к сожалению, врезался обеими ногами прямо ей в живот.

— Пардон, старуха! — выпалил Конрад. — Очень жаль, хотя именно это я имел в виду!

Потом он огляделся вокруг себя и спросил:

— А какая свиноматка визжала тут, как резаная, и меня звала?

Востроносая держалась за сердце и вопила:

— Господин директор фабрики, не хотите ли вы сказать, что это тот самый мальчик, которого я заказывала?!

Господин фабричный директор поправил очки и уставился на Конрада.

— Старик, — воскликнул Конрад, — старик, я знаю одну классную песню!

И Конрад затянул:

— Спи, дитя моё, усни!
От семейки отдохни.
Твой папаша хулиган,
У него в шкафу наган.

А мамаша — истеричка,
Ей под стать твоя сестричка.
(У неё есть даже кличка:
Ядовитая змея.)
Ничего тут не попишешь —
Это всё — твоя семья!

Не семейка — просто ад!
Ты ж ни в чём не виноват.
Спи... усни...

— Неслыханно! — воскликнул лысый господин. — И это называется благовоспитанный мальчик?! Да вы просто-напросто аферисты чистой воды, шарашкина контора!

— Не бузи, дедок, — сказал Конрад, — а то отстригу тебе усики, совсем без волос домой похиляешь!

Наверху у лестницы появилась Китти, она перевесилась через перила и крикнула вниз:

– Конрад, есть не хочешь?

– Всегда готов!

– А чего тебе хочется?

– Малинового пудинга со шпинатом!

– Ол-райт! – раздалось в ответ.

И тут же всем «синим» вместе с их директором и серой супружеской четой пришлось срочно искать укрытия, так как Китти стала их забрасывать малиновым пудингом со шпинатом.

– Это наше обычное развлечение! – крикнула Китти. – Я стою наверху, а он внизу. Я швыряю полную горсть шпината, а он там открывает рот!

– Только вот целится она плохо! – посетовал Конрад.

Директор фабрики снял очки, потому что сквозь них он ничего не видел. Левое стекло было заляпано пудингом, а правое шпинатом. Близоруко щурясь в сторону Конрада, он изрёк:

– Этот мальчик не наша продукция, у нас такое невозможно!

Бригада «синих» усердно чистилась: вся их форменная одежда была в пятнах.

Серая парочка сидела на корточках за штабелем пустых картонных коробок.

– Да это кошмар, а не ребёнок, – высказался лысый господин.

– Мы себе лучше собаку заведём, – высказалась востроногая госпожа.

Они встали и, не сказав «до свидания» ни фабричному директору, ни «синим» людям, ушли через задние комнаты в сторону торгового зала.

– Шеф, что там происходит? – заорал оттуда сотрудник, охранявший выход. – Почему господа уходят без ребёнка? Почему они говорят, что мы мошенническая контора? Шеф? Шеф? В чём дело?!

В голосе его звучало полное отчаяние.

Директор фабрики оттер свои очки до блеска, его «синие» подручные оттерли комья малинового пудинга и шпината. Директор снова надел очки и произнёс:

– Мы уходим.

– А что будет со мной? – спросил Конрад.

– До тебя мне вообще никакого дела нет, исчадие ада! – бросил ему директор фабрики.

– Приятно это слышать! – воскликнула госпожа Бартолотти и открыла дверь от чёрного хода. – Дамы и господа, для меня это был настоящий праздник! – крикнула она вслед господину директору и его «синей» свите, выходявшим через чёрный ход.

– Извольте прихватить с собой охрану со двора, – прокричал господин Эгон, – иначе госпожа Шнурпфайль так разбушует!..

После этого Китти дверь от чёрного хода заперла.

Конрад сидел на ящике с питанием для младенцев. Он выглядел страшно бледным.

– Всё-таки это было очень тяжело! – вздохнул он.

– Бедное моё сокровище!.. – вздохнула госпожа Бартолотти и погладила его по правой щеке.

– Бедное моё сокровище!.. – вздохнул господин Эгон и погладил его по левой щеке.

– Ты был бесподобен! – восхищённо сказала Китти. Она сбежала по винтовой лестнице и поцеловала его в губы.

– Мне теперь всегда таким оставаться? – спросил Конрад.

– Боже упаси! – воскликнул господин Эгон.

– Мне теперь снова стать таким, как прежде? – спросил Конрад.

– Боже упаси! – воскликнула госпожа Бартолотти.

Китти положила ему руку на плечо и сказала:

– Ах, Конрад, уж с этим мы как-нибудь разберёмся!

УДК 821.112.2-31-93
ББК 84(4Гем)-44
Н56

Литературно-художественное издание
Для младшего школьного возраста
Серия «ВЕСЁЛАЯ КОМПАНИЯ»

Christine Nöstlinger
KONRAD oder DAS KIND AUS
DER KONSERVENB CHSE
НЁСТЛИНГЕР Кристине
КОНРАД – МАЛЬЧИК
ИЗ КОНСЕРВНОЙ БАНКИ

Повесть

Ответственный за выпуск *Н.Н. Овчинникова*
Редактор *А.А. Савельева*
Художественный редактор *Е.Р. Соколов*
Технический редактор *М.В. Гагарина*
Корректоры *К.И. Каревская, Т.А. Чернышева, Т.И. Филиппова*
Компьютерная вёрстка *Е.В. Куделина*

ISBN: 978-5-389-04354-1

© text by Christine Nöstlinger
Verlag Friedrich Oetinger, Hamburg 1975
© Челак В.Г., иллюстрации, 2013
© Френкель П.Л., перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке. Оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2013
Machaon®

Подписано в печать 15.04.2013.
Формат 84×100 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура «SchoolBook». Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,28.
Тираж 5000 экз. D-VC-10942-01-R. Заказ № ВЗК-02451-13.

208 с. с ил.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака Machaon
119334, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Тел. (495) 933-76-00, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
196105, Санкт-Петербург, ул. Решетникова, д. 15
Тел. (812) 324-61-49, 388-94-38, 327-04-56, 321-66-58, факс (812) 321-66-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru; atticus@azbooka.spb.ru

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
04073, Киев, Московский проспект, д. 6, 2-й этаж
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

ЧП «Издательство «Махаон»
61070, Харьков, ул. Ак. Проскуры, д. 1
Тел. (057) 315-15-64, 315-25-81
e-mail: machaon@machaon.kharkov.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати — ВЯТКА» в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

Larisa_F

